

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Н Ъ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатери. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Философскія начала цѣльнаго знанія. . . . В. С. СОЛОВЬЕВА.

Славяне на Сѣверномъ Черноморьм Н. П. ЛАМБИНА.

О древней культурѣ западныхъ Финновъ
по даннымъ ихъ языка

Русско-византийскіе отрывки В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

Равнина и ея древности О. С.

Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. А. М. ГЕЗЕНА.

Общій уставъ италіанскихъ университетовъ.

Русская филологическая семинарія при
Лейпцигскомъ университетѣ съ 1873
по 1877 годъ

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты, б) низшія училища

Письмо изъ Парижа Л. Д—РА.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ И ПРИЛОЖЕНІЕ.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

РАВЕННА И ЕЯ ДРЕВНОСТИ.

(Изъ путевыхъ записокъ.)

I.

Отъ линіи желѣзной дороги, идущей изъ Болоньи къ Адриатическому морю, отдѣляется короткая вѣтвь къ Равеннѣ, когда-то столицѣ Западной Римской имперіи. Не болѣе какъ три часа ѣзды переносятъ изъ шумной, оживленной Болоньи въ скромную Равенну, тихо живущую своими воспоминаніями. Лишь только въ Castel Bolognese пересядешь въ другіе вагоны и двинешься по другимъ рельсамъ, какъ видишь себя точно въ другой странѣ. По Адриатической линіи ѣздятъ люди, дорожащіе своимъ временемъ, потому что съ ея скорыми поѣздами можно меньше чѣмъ въ сутки переѣхать изъ Неаполя въ Миланъ, изъ одного торговаго центра въ другой. По Равеннской же вѣтви некуда спѣшить; по ней ѣздятъ немногіе, въ числѣ ѣдущихъ не видно торопящихся дѣловыхъ людей, станціи не ожидаютъ прихотливыхъ требованій, домики ихъ малы, буфеты плохи. Съ обѣихъ сторонъ тянутся поля рису и пшеницы, на всемъ лежитъ какой-то деревенскій характеръ.

Равенна стоитъ посреди низменной равнины, которая еще недавно, благодаря усердію и трудамъ общины, перестала быть болотомъ и превратилась въ отлично обработанныя поля. Когда-то Равенна была приморскимъ городомъ, море почти заходило въ ея главныя улицы; теперь оно удалено отъ нея на восемь верстъ, и глядя на плоскую безводную окрестность, никакъ не подозрѣваешь его близости. Оно сообщается съ городомъ посредствомъ канала, canal Naviglio, по которому могутъ ходить только барки. Окружающая равнина кажется безконечною для глаза. Только съ одной стороны замыкается она длинною цѣпью Апеннинъ, волнообразно рисующихся на небѣ. До пер-

вухъ предгорій ихъ около сорока верстъ. Верстахъ въ семи-восьми отъ Равенны, южнѣе ея, тянется по берегу моря знаменитый сосновый лѣсъ *La Pineta*. Думаютъ, что онъ былъ насаженъ первыми жителями Равенны, но очень могло быть и наоборотъ, что они первые начали вырубать деревья, необходимыя для ихъ надворныхъ построекъ, и что во времени римскаго владычества этотъ лѣсъ ужь очень уменьшился. Достоверно только, что Римляне уже берегли его и не позволяли рубить безъ разбора, такъ какъ онъ служилъ имъ для постройки кораблей. Теперь онъ простирается на 38 верстъ въ длину и $2\frac{1}{2}$ —4 въ ширину, и считается самымъ старымъ, большимъ и живописнымъ лѣсомъ во всей Италіи. Красоту его воспѣвали многіе поэты и италіанскіе, и иностранніе. Данте, описывалъ вѣчнозеленый лѣсъ земпаго рая, въ которомъ всегда вѣетъ тихій вѣтерокъ, и пѣніе птицъ сливается въ стройную гармонію съ шумомъ вѣтвей, сравниваетъ его съ Равеннскою Пинетою, „гдѣ съ вѣтки на вѣтку переносится тихій шелестъ, когда вѣвъ ея бушуетъ широко“ ¹⁾. Байронъ также, какъ и Данте, отдохавшій въ Равеннѣ отъ тревоженій своей бурной жизни, вспоминаетъ о „вѣчно зеленомъ заповѣдномъ лѣсѣ, который растетъ на молчаливомъ берегу, омываемомъ волнами Адриатики, тамъ, гдѣ стояла послѣдняя крѣпость Цезарей“ ²⁾.

Сама Равенна — небольшой простенькій городъ, весь каменный, какъ и всѣ италіанскіе города, обнесенный старинными стѣнами. Окружность города около пяти верстъ; внѣ стѣнъ есть также небольшія предмѣстья. Довольно много не застроенныхъ мѣстъ заняты по большей части огородами. Какъ во всѣхъ старыхъ европейскіхъ городахъ, улицы узкія, кривыя и почти всѣ короткія, потому что очень часто перешлепываются и впадаютъ одна въ другую. Одна только

1)Tal qual di ramo in ramo si racoglie
Per la pineta in sul lito di Chiassi
Quand' Eolo scirocco fuor discioglie.

(Purgatorio, canto XXVIII).

2) Sweet hour of twilight! In the solitude
Of the pine forest, and the silent shore
Which bounds Ravenna's immemorial wood
Rooted where once the Adrian waves flowe o'er,
To where the last Caesarean fortress stood.
Evergreen forest! which Boccaccio's lore
And Dryden's lay made haunted ground to me,
How have I loved the twilight hour and thee!

Don Juan, Cant. III, stroph. CV.

улица проходить черезъ весь городъ отъ однихъ воротъ до другихъ, и за то въ послѣдніе годы она и получила почетное имя, которое, вмѣстѣ съ именемъ Виктора-Эммануила, есть теперь самое общепринятое названіе для улицъ въ Италіи: она называется *Corso Garibaldi*. Въ Равеннѣ только эти два имени, да еще третье — имя Кавура, которое дано однимъ городскимъ воротамъ, напоминають о настоящемъ: остальные же всѣ переносятъ въ далекое прошлое: имя какой-нибудь древней церкви, какого-нибудь памятника, человѣка, прославившагося здѣсь, даетъ названіе улицѣ или кварталу. На каждомъ перекресткѣ встрѣчаешься съ такими надписями какъ: *strada Santo Apollinare*, *via Santa Croce*, *via Dante*, *rayone Galla Placidia*, *rayone Teodorico* и т. п. Высокіе дома, заслоняющіе улицы отъ солнца, прорѣзаны окнами часто безъ правильнаго дѣленія на этажи, а такъ, кое-гдѣ. Нижнія окна закрыты рѣшетками; въ иныхъ домахъ и совсѣмъ нѣтъ оконъ внизу: можетъ быть, остатокъ того времени, когда борьба партій и безначаліе заставляли каждого дѣлать изъ своего дома крѣпость. На главной площади и на улицахъ по близости есть, впрочемъ, и дома новѣйшей постройки. Болѣе широкія и населенныя улицы довольно чисты; за то въ маленькихъ боковыхъ переулкахъ можно встрѣтиться съ самою внутреннею жизнью и съ самою отвратительною грязью. Мостовыя изъ булыжника такія же, какъ и у насъ, и такъ какъ тротуаровъ нѣтъ, то прогулки по городу не мало испытываютъ терпѣніе путешественника. Извозчиковъ нигдѣ нельзя встрѣтить. Въ случаѣ надобности приходится идти за ними на главную площадь или отыскивать ихъ жилища. Въ нихъ, конечно, не нуждается почти никто, кромѣ пріѣзжихъ, потому что въ такомъ маленькомъ городѣ никакому дѣловому человѣку не случается дѣлать концовъ, которыхъ нельзя было бы безъ утомленія пройти пѣшкомъ. Городъ такъ малъ, что и мы, путешественники, чувствовали нужду въ извозикѣ болѣе въ серединѣ дня, въ жарѣ, а въ это время рѣдкій Италіанецъ выходитъ изъ дому. Днемъ всѣ заняты своимъ дѣломъ, а такъ какъ изъ всѣхъ дѣлъ, кажется, только торговля производитъ уличное движеніе, то въ мирной Равеннѣ, стоящей въ сторонѣ отъ торговыхъ путей, днемъ на улицахъ почти никого не видно. Только въ мелкихъ переулкахъ, особенно въ глубинѣ, въ частѣ ихъ, въ той патриархальной части города, гдѣ улица дѣлается принадлежностью жилища, замѣтна жизнь и внѣ дома. Тамъ у каждого передъ домою мастерская подъ открытымъ небомъ, и самая живая

комната. Намъ приходилось заходить въ такіе переулки; тамъ кузнецы дѣлають желѣзныя кровати, столары стругають, и тутъ же бѣгаютъ, кричатъ и играютъ дѣти.

Вечеромъ всѣ жилища пустѣють. Цѣлыя толпы бродятъ по улицамъ; группы разговаривають, стоятъ въ разныхъ мѣстахъ; у кофейни и въ кофейнѣ пьютъ и курятъ. Позднѣе начинаютъ раздаться пѣсни.

Гулянье нѣсколько болѣе высокаго сорта общества—это Giardino Publico (общественный садъ). Название очень громкое, по къ сожалѣнію, giardino (единственный въ городѣ) далеко не соотвѣтствуетъ ему. Это молоденькій, недавно разведенный садикъ въ родѣ самыхъ маленькихъ изъ петербургскихъ скверовъ; въ немъ уораздо больше пространства занято каменистыми дорожками, чѣмъ зеленью. По срединѣ на небольшой искусственной горкѣ играетъ очень порядочная военная музыка по программѣ, которая утромъ была напечатана въ газетахъ. Вокругъ музыки за нѣсколькими столиками сидятъ немногіе, нашедшіе себѣ мѣсто, и пьютъ пиво. Странно представить себѣ Итальянца, а еще болѣе Итальянку за кружкой пива, а между тѣмъ, ѣдучи по Италіи, чуть не въ каждомъ городѣ теперь встрѣчаешь подобное зрѣлище. Даже на самомъ берегу Средиземнаго моря, въ Неаполѣ, въ красивой кофейнѣ сада villa Nazionale, приходилось намъ видѣть дамъ, иногда цѣлыя семейства, которыя, погулявъ, усаживались къ столику и требовали пива. Это побѣда Германіи въ Италіи, можетъ быть, единственная, касающаяся общественной жизни, производить чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. На Итальянца, пьющаго пиво, смотришь какъ-то уже не съ тѣмъ расположеніемъ, какъ обыкновенно. Точно будто вмѣстѣ съ густымъ напиткомъ вливается въ него вялость, грубость и неповоротливость и исчезаетъ природная веселость, пріятливость и энергичный умъ.

Самый высшій слой равеннскаго общества не принимаетъ участія въ прогулкѣ по Giardino Publico. Эта аристократія катается по улицѣ мимо него въ красивыхъ собственныхъ экипажахъ и на отличныхъ лошадяхъ, какихъ никакъ не ожидаешь увидѣть въ такомъ неважномъ городѣ.

Гостиницы Равенны, какъ и многое другое, показываютъ, что она городъ, не приспособленный для путешественниковъ. Мы остановились въ одной изъ двухъ лучшихъ. Стѣны ея сѣней изукрашены надписями и гербами, напоминающими о посѣщеніи знаменитыхъ

или высокопоставленныхъ особъ, но самый домъ, очевидно, не готовился къ такой судьбѣ. Когда-нибудь онъ, можетъ быть, принадлежалъ знатному или богатому семейству. Большія, высокія комнаты съ огромными окнами, съ остатками старинной мебели, всё связано между собою и не могутъ быть раздѣлены удобно на маленькія квартиры. Даже въ первый померъ, напримѣръ, нѣтъ другаго входа какъ черезъ общую столовую, служащую также и сборною для всѣхъ жильцовъ.

Задняя сторона дома этой гостинницы примыкаетъ къ задней сторонѣ театра, стоящаго на другой улицѣ. Не знаю, какъ случилось, что окно въ галерею гостинницы выходитъ прямо въ театръ, куда-то около верхняго яруса ложъ, и жители гостинницы могутъ сквозь это окошко заглядывать на сцену, и хотя и не съ большимъ удобствомъ, все-таки, не выходя изъ дому и даромъ, присутствовать на представленіи. Въ самый вечеръ нашего пріѣзда былъ спектакль. Добродушная старушка - служанка предложила намъ поглядѣть въ окошко. Театръ былъ съ верху до низу переполненъ зрителями въ яркихъ пестрыхъ одеждахъ. Давалась какая-то пьеса, гдѣ мужественный и добродѣтельный воинъ страдалъ за свою добродѣтель отъ злобы гонителей. Актеры играли съ увлеченіемъ, особенно герой пьесы. Публика принимала такое участіе въ ихъ игрѣ, какъ будто передъ нею совершалось дѣйствительное происшествіе: она съ восторгомъ рукоплескала герою, радовалась всякому его успѣху и съ негодованіемъ встрѣчала и провожала его враговъ. Чуть только спустилась занавѣсъ, какъ зала оглашалась говоромъ зрителей и криками торговцевъ, разносившихъ фрукты, газеты и вѣера. Все это зрѣлище получало для насъ особую привлекательность отъ нашего таинственнаго присутствія, и еслибы не усталость послѣ цѣлаго дня странствій, то мы вѣрно долго не ушли бы въ свою комнату.

Giardino Publico, конечно, не въ состояніи дать много свѣжаго воздуха, а между тѣмъ, находясь въ Равеннѣ, жаждешь его. Въ узкихъ, кривыхъ улицахъ, заслоненныхъ отъ неба высокими домами, тѣсно и душно; въ комнатахъ духоты еще больше, а въ нижнемъ этажѣ она замѣняется сыростью. Тѣмъ не менѣе, климатъ Равенны считается очень здоровымъ, и нельзя не вѣрить этому, глядя на ея жителей. Они смотрятъ крѣпкими и свѣжими, многіе высокаго роста и очень красивы, и говорятъ, что они вообще замѣчательно долголѣвны. Уже древніе писатели обращали вниманіе на то, что

сосѣдство моря умѣряетъ въ Равеннѣ и жаръ и холодъ, и очищалъ воздухъ, уничтожаетъ вредъ окружающихъ болотъ ¹⁾.

II.

Основаніе Равенны относится къ такимъ далекимъ временамъ, что нѣтъ возможности сказать о немъ что-нибудь достовѣрное и положительное. Самое общепринятое мнѣніе опирается на свидѣтельство Страбона, который говоритъ, что она была основана Тессалійцами и послѣ подпала подъ власть Сабинянъ ²⁾. Въ началѣ положеніе Равенны должно было быть нѣсколько похоже на положеніе Венеціи. Она стояла на берегу моря посреди обширнаго болота. Нѣсколько каналовъ прорѣзывали ее какъ улицы; черезъ нихъ было перекинуто множество мостовъ, и сообщеніе по городу производилось большею частью на лодкахъ. Болото, занимавшее всю мѣстность отъ Равенны до Альтинума, образовалось вслѣдствіе разлива по равнинѣ многоводныхъ и многочисленныхъ рукавовъ рѣки По. Только съ одной стороны можно было подойти къ Равеннѣ сухимъ путемъ по узкой полосѣ (вѣроятно, съ юга отъ Римини); съ сѣвера же къ ней былъ доступъ не иначе какъ по морю, черезъ лагуны, носившія названіе Семи морей (*Septem maria*). Одинъ изъ каналовъ, которыми издавна старались собирать разливавшіяся воды По, доходилъ до самой Равенны. Думаютъ, что онъ былъ устроенъ при Августѣ, отъ котораго и получилъ названіе *fossa Augusta* ³⁾.

Собственно возвышеніе Равенны начинается со времени императора Августа. Онъ обратилъ вниманіе на ту пользу, какую она могла приносить какъ приморскій городъ, и устроилъ недалеко отъ нея, южнѣе по берегу, гдѣ море образуетъ небольшой заливъ, гавань на 140 кораблей и маякъ. Каналъ, проведенный по лагунѣ, соединялъ ее съ городомъ.

Значеніе этой гавани выказалось очень скоро уже тѣмъ, что воелъ нея устроился городъ подъ названіемъ *Classis* (флотъ); а другой,

¹⁾ *Pauly*, Real Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft, Bd. VI, p. 400.

²⁾ *Ughelli*, Italia Sacra, t. II, p. 323.

³⁾ *Jornand.*, De Gothorum orig., cap. 29. Онъ имѣлъ нѣсколько названій: *Padusa*, *Mezanicus*, *fossa Aesonis*, *fossa angusta* (можетъ быть то же, что *fossa Augusta*). Полагаютъ, что онъ не соединялъ Равенну съ гаванью); см. *Pauly*, Real Encyclopedie d. classisch. Alterthumswissenschaft, Bd. VI, стр. 400.

получившій отъ Цезаря имя Цезарен, возникъ между нимъ и Равенной. Всѣ три соединились въ одно цѣлое и при Тибериѣ были обнесены крѣпкими стѣнами. До перенесенія столицы въ Равенну, Классисъ, по своему положенію, долженъ былъ имѣть преимущество надъ другими двумя городами, и дѣйствительно, лѣтописи указываютъ на существованіе въ немъ большыхъ храмовъ, раньше, чѣмъ въ Равеннѣ или Цезарей. Тамъ же были погребены первые епископы. Впослѣдствіи, когда значеніе Равенны уменьшилось, она снова стѣснилась въ своихъ прежнихъ предѣлахъ. Теперь на мѣстѣ Классиса стоитъ только одной храмъ, своимъ именемъ напоминающій о городѣ, прежде окружавшемъ его, *Santo Apollinare in Classe*; отъ Цезарен же осталась только маленькая мраморная колонна съ мраморнымъ же крестикомъ на верху, указывающая мѣсто, гдѣ стояла базилика *San Lorenzo in Cesarea*, разрушенная окончательно въ 1553 году.

Укрѣпленныя стѣны, а также окружающія болота и выгодное положеніе при морѣ сдѣлали Равенну одною изъ неприступныхъ крѣпостей и однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Италіи. Августъ любилъ проводить въ ней время; многіе его преемники слѣдовали его примѣру.

Со времени Константина Великаго императоры не охотно жили въ Римѣ. Имъ были неприятны его языческія учрежденія и преданія, а избалованность жителей и войска давала слишкомъ много хлопотъ. Они выбирали себѣ для жительства другіе укрѣпленные города и избѣгали даже и случаевъ ѣздить въ Римъ. Постоянныя войны съ варварами, угрожавшими окраинамъ имперіи, давали для этого достаточный поводъ. Валентиніанъ I жилъ въ Трирѣ, Θεодосій иногда въ Миланѣ, Гонорій былъ принужденъ бѣжать изъ Милана отъ опустошительнаго нашествія Готовъ, которому побѣды Стилихона едва могли положить предѣлъ. Онъ перенесъ столицу въ Равенну. Въ это время Равенна была уже совершенно христіанскимъ городомъ. По преданію, еще около 50-го года св. Аполлинарій, одинъ изъ 70-ти апостоловъ, проповѣдывалъ въ ней Евангеліе, многихъ крестилъ и терпѣлъ мученическую смерть въ 78-мъ году ¹⁾ въ Классисѣ. Скоро послѣ того, и въ Классисѣ, и въ самой Равеннѣ уже существовало нѣсколько храмовъ.

Долгое регентство сестры Гонорія Галлы Платидіи во время ма-

¹⁾ *Agnelli*, Lib. Pontif.; *Ughelli*, Italia Sacra, t. II, p. 327; *Pertz*, Monum. Germaniae, t. II, p. 261.

лолѣтства сына ея Валентиніана III было одною изъ блестящихъ эпохъ Равенны, эпохой, оставившею послѣ себя большое число великолѣпныхъ памятниковъ. Галла Плацідія, дочь Θεодосія и Галлы, была взята въ плѣнъ Аларикомъ во время взятія Рима и вышла замужъ за Атаульфа, брата его жены. Когда Констанцій разбилъ Готовъ, и Атаульфъ умеръ, то Плацідія вышла за Констанція, котораго Гонорій принялъ въ соправители. Послѣ смерти Гонорія, и Констанція Плацідія съ дѣтьми бѣжала въ Византію, такъ какъ верховную власть надъ Западною имперіей захватилъ узурпаторъ Іоаннъ. Θεодосій назначилъ императоромъ Валентиніана, далъ ему войско, и съ этою помощію Галла Плацідія снова вернулась въ Италію и овладѣла Равенной. Она была очень внимательна къ вѣрѣ и церкви, говорятъ историки, — и заботилась также и объ украшеніи города ¹⁾. Во время Валентиніана были увеличены и укрѣплены городскія стѣны, построенъ дворецъ, и Равенна стала называться столицей Италіи ²⁾. До сихъ поръ еще стоятъ нѣкоторыя изъ построекъ того времени, и имя Галлы Плацідіи живетъ въ памяти народа вмѣстѣ съ немногими другими именами.

Послѣ нея наступило тяжелое, много лѣтъ уже подготовлявшееся время разрушенія Римской имперіи. Валентиніанъ III и его преемники быстро повели Италію по тому пути къ упадку, на который она уже давно вступила. Вездѣ распространилось безвластіе, императоры были государями только по имени, варвары расхищали провинціи, возмущенія угрожали на каждомъ шагѣ. Въ этомъ распатанномъ положеніи дѣлъ, событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Въ теченіе одного столѣтія (отъ половины V до половины VI) Равеннѣ пришлось четыре раза переходить изъ рукъ одного властителя къ другому. Аттила подступалъ къ ея стѣнамъ, но по преданію, побѣжденный мольбами епископа Іоанна, удалился, не сдѣлавъ ей никакого вреда ³⁾. Послѣдній императоръ, заклеименный насмѣшливымъ прозвищемъ Augustulus, долженъ былъ уступить свое мѣсто предводителю возстанія, сильному воинскими доблестями и одушевленному увѣренностью въ своемъ великомъ будущемъ. Одоакръ, во главѣ всѣхъ наемныхъ римскихъ войскъ, разбилъ приверженцевъ им-

¹⁾ *Филосторій*, кн. 10, п. 7, кн. 12, п. 3 и 13; *Созоменъ*, кн. 9, гл. 16; *Иорнадъ*, гл. 31, 32.

²⁾ *Agnelli*, *Lib. Pont.*, vit. S. Joannis, cap. IV.

³⁾ *Agnelli*, *Vita Johannis Angeloptis*, cap. II.

ператора въ битвѣ при Равеннѣ, въ ея знаменитомъ сословномъ гѣсу, и Ромулъ Августулъ сдался, поручая себя его милосердію. Тринадцатъ лѣтъ продолжалось владѣтельство Одоакра, оставившаго по себѣ память унаго правителя, искуснаго вождя и доблестнаго воина.

Въ 489 году Готескій царь Теодорикъ, подъ предлогомъ, что служить интересамъ Восточнаго императора, вступилъ въ Италію съ огромными силами. Одоакръ приготовился встрѣтить врага, но не смотря на все свое мужество и искусство, не могъ выдержать его напора. Потеривъ нѣсколько поражений, потерявъ нѣсколько городовъ, онъ заперся въ Равеннѣ. Теодорикъ осадилъ ее. Почти три года длилась осада, три раза неудачно Одоакръ давалъ сраженіе неприятелю на Кандійскомъ полѣ близъ Классиса; наконецъ, голодъ заставилъ жителей сдаться. Архіепископъ открылъ городскія ворота и съ крестами и пѣніемъ вышелъ на встрѣчу побѣдителю, моля его о пощадѣ. Теодорикъ торжественно вступилъ въ Равенну и даровалъ миръ не только равенискимъ гражданамъ, говоритъ лѣтописецъ, — но и всѣмъ Римлянамъ ¹⁾.

Тридцати-трехлѣтнее царствованіе Теодорика оставило по себѣ въ Равеннѣ блестящія воспоминанія. Долгая жизнь при Византійскомъ дворѣ развила въ Готѣ любовь къ блеску и уваженіе къ искусствамъ и наукамъ. Хотя онъ самъ и не отличался образованностью, но окружалъ себя образованными и учеными людьми. Объ этомъ свидѣлствуютъ имена Воэція, Кассіодора ²⁾. Въ Римѣ, въ Тичино, въ Веронѣ и въ другихъ менѣе значительныхъ городахъ были имъ воздвигнуты новыя зданія. Равенна украсилась великолѣпными церквами и дворцами и приняла видъ настоящей столицы.

Вскорѣ послѣ смерти Теодорика, Византія рѣшилась нагнать варваровъ, овладѣвшихъ Италіей. Время было благоприятно, потому что вслѣдъ за короткимъ мудрымъ правленіемъ дочери Теодорика Ана-

¹⁾ *Agnelli.*, Lib. Pontif., vita S. Johannis, cap. III. *Jornand.*, cap. LVII; *Annales Quedlinburgenses in Pertz*, Monum. Germ., t. III, p. 31.

²⁾ Воэцій, знаменитый ученый епископъ, съ начала пользовался милостіями Теодорика, но впоследствии былъ обвиненъ въ измѣнѣ и безъ суда казненъ. Его сочиненіе «Угѣшеніе епископа», написанное въ тюрьмѣ, пользовалось большимъ уваженіемъ въ средніе вѣка и было переведено на многіе языки. Кассіодоръ, сенаторъ, ученый и государственный дѣятель, занималъ важныя мѣста при Теодорикѣ и его преемникахъ. Его сочиненіе «De rebus gestis Gothorum», которое могло бы служить драгоценнымъ источникомъ, къ сожалѣнію, дошло до насъ только въ пересказѣ Иорнада.

лазунты, во время малолѣтства ея сына Аталарика, начались безпорядки между самими Готами. Долгія опустошительныя войны Велизарія и Нарзеса противъ царей Витигеса и Тотилы привели наконецъ въ исполненіе это намѣреніе. Италия вошла въ составъ имперіи, и правленіе ея было поручено экзарху. Равенна осталась главнымъ городомъ и мѣстопробываніемъ экзарховъ, а въ Римъ, какъ и во всѣ другіе города экзархата, были посланы правители или (*duces*) дуки (568)¹⁾. Первымъ равеннскимъ экзархомъ былъ Нарзесъ. Онъ впрочемъ не носилъ еще этого титула, вошедшаго въ употребленіе только при его преемникѣ, а назывался патриціемъ и дукомъ²⁾. Царствованіе Юстиніана было послѣднимъ временемъ блеска Равенны. Послѣ долгихъ безпорядковъ, для нея наступилъ отдыхъ, хотя и не долговременный: она получила правильное государственное устройство, въ ней открылись общественныя школы, науки и искусства снова стали развиваться. Къ этому времени относятся великолѣпныя постройки, приписываемыя Юліану Аргентарію. Въ это же время, стараніемъ архіепископа Агнелла, были отданы православнымъ всѣ аріанскіе храмы, построенныя при Теодорикѣ, и такимъ образомъ Равенна обогатилась съ двухъ сторонъ. Юстиніанъ чтилъ и одарялъ церкви Равенны. Въ одной изъ нихъ, именно въ храмѣ св. Виталія, мозаичныя картины изображаютъ его и жену его Теодору, приходящихъ въ церковь съ дарами.

Почти тотчасъ послѣ удаленія Нарзеса, Лангобарды, уже владѣвшіе Панноніей, обратили свое оружіе и на равнины По. Они утвердились въ Павіи и оттуда направляли свои набѣги, которые однако сначала не были постоянно успѣшны. Почти черезъ два вѣка царю ихъ Лиутпранду удалось завоевать Равенну и близъ лежащіе города Фламинніи, соединявшіеся подъ двумя общими названіями: Декаполисъ и Пентаполисъ. Его преемникъ Астольфъ началъ угрожать Риму. Происходившія въ то время несогласія между восточною и западною церковью изъ-за почитанія иконъ, вызывавшія даже народныя возстанія³⁾, не позволили римскому епископу обратиться за защитой къ императору. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь противъ варваровъ другое варварское племя, еще незнакомое съ Италіей — Франковъ. Пипинъ Короткій больше чѣмъ оправдалъ возлагавшіяся на него на-

¹⁾ Отъ этого произошло впоследствии названіе Ducato di Roma.

²⁾ *Ughelli, Italia Sacra, t. II, p. 568; Jornand., cap. LVIII.*

³⁾ *Agnelli, Vita Johannis, V, cap. II.*

дежды: онъ изгналъ Астольфа изъ Равенны, заставилъ его отказаться отъ части завоеванныхъ имъ мѣстъ а вслѣдъ затѣмъ отдалъ и Римъ и Равеннскій экзархатъ во власть римскаго епископа, уже закрѣпившаго особенную силу и вліяніе за именемъ папы. Напрасно требовалъ императоръ Константинъ возвращенія своей собственности: ему отвѣчали, что Римъ и Равенна принадлежатъ св. Петру ¹⁾). Сначала довольно долгое время эта передача была только номинальною, потому что Лонгобарды на дѣлѣ не уступали своихъ владѣній, и папы не разъ жаловались, что Астольфъ и его наслѣдникъ Дезидерій снова отняли у церкви тотъ или другой городъ. Карлъ Великій, окончательно покоривъ Лонгобардовъ и принявъ титулъ Римскаго императора, утвердилъ даръ Пипина ²⁾). Съ этихъ поръ прекратилось могущество Равенны. Не только она должна была подчиниться Риму, какъ столицѣ свѣтскаго и духовнаго владыки, но и ея приморское положеніе, дававшее ей особенную важность для сообщенія съ восточною частью имперіи, теперь потеряло значеніе. Гавань ея была запущена, занесена морскимъ пескомъ, понемногу обмелѣла и въ настоящее время служить почти только для береговой торговли. Правда, впоследствии, въ сношеніяхъ съ Венеціей, Равеннѣ снова пришлось играть роль приморскаго города, но это было не на долго.

Дальнѣйшая судьба Равенны во многомъ похожа на судьбу другихъ италіанскихъ городовъ. Въ ней учредилось сначала выборное полу-республиканское правленіе подъ верховною властью императора и папы. Три консула и архіепископъ стояли во главѣ его. Архіепископу былъ переданъ титулъ экзарха и остался за нимъ довольно долгое время. Равеннскій архіепископъ пользовался особымъ почетомъ и занималъ даже первое мѣсто послѣ папы и императора на соборахъ ³⁾). Онъ позволялъ себѣ довольно часто и возставать противъ своего верховнаго владыки. Еще гораздо раньше, одинъ изъ епископовъ Рабанъ Мавръ, прозванный Скизматикомъ, нѣсколько разъ пытался избавить свою церковь отъ римскаго ига. Умирая, онъ завѣщалъ духовенству избрать ему преемника изъ своей среды, а не подчиняться назначенію папы и не просить его посвященія въ Римѣ, а просто

¹⁾ *Pertz, Monumenta Germaniae*, t. I, p. 116, 141, 219, 293, 347, t. III, p. 200, 232, 475.

²⁾ *Pertz, Monumenta Germaniae*, t. III, p. 707, 708.

³⁾ *Ughelli, Italia Sacra*, t. II, стр. 362; *Hekke, Consiliengeschichte*, t. 4, p. 676.

обратиться къ императору за утвержденіемъ ¹⁾). Позже епископъ Георгій, который старался примирить враждовавшихъ между собою наслѣдниковъ Людовика Благочестиваго, считалъ себя намѣстникомъ апостоловъ и старался съ помощью императора выйдти изъ-подъ власти римскаго епископа ²⁾). Такъ, даже нѣсколько вѣковъ спустя, въ знаменитой борьбѣ между папою Григоріемъ VII и императоромъ Генрихомъ IV, архіепископъ Гибертъ принялъ сторону послѣдняго. Папа отлучилъ его, но въ отвѣтъ на это отлученіе Гибертъ объявилъ самого себя папой подъ именемъ Климента III и нѣсколько лѣтъ правилъ Равенною подъ этимъ титуломъ ³⁾). Скоро начали пріобрѣтать вліяніе и силу нѣкоторыя дворянскія семейства и оспаривать первенство другъ у друга, захватывая важнѣйшія должности.

Уже къ концѣ IX вѣка было знатно семейство Траверсари ⁴⁾). Въ началѣ XIII в. вражда между Піетро Траверсари и Убертино Дусдеи дошла до такой степени, что архіепископъ Убалдъ, послѣ тщетныхъ стараній помирить ихъ, принужденъ былъ отказать отъ своего сана, сдѣлавшагося слишкомъ тяжелымъ при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и удалился въ монастырь ⁵⁾). Вскорѣ послѣ того Траверсари одержалъ верхъ и объявилъ себя Равеннскимъ дукомъ (*duca di Ravenna*) 1218 г. Черезъ нѣсколько времени возвысилось другое семейство, Полентани или да Полента, при которомъ Равеннѣ пришлось оказать гостепрійство Данте, изгнанному изъ Флоренціи. Гвидо Полентани прославился своею дружбою со знаменитымъ изгнанникомъ. Дочь его Франческу, бывшую замужемъ за Іоанномъ, владѣтелемъ Римини, Данте обезсмертилъ во всѣмъ извѣстномъ трогательномъ эпизодѣ Ада ⁶⁾). Полентани довольно долго занимали высокое положеніе въ Равеннѣ. Наконецъ, они стали такъ злоупотреблять своею властью, что противъ нихъ составилъ заговоръ. Венеціанская республика, уже издавна бывшая въ союзѣ съ Равенной и считавшая очень выгоднымъ привязать ее къ себѣ прочнѣе, воспользовалась этимъ. Она пригласила Остаіо Полентани пріѣхать для возоб-

¹⁾ *Agnelli*, Vita Mauri, cap. III.

²⁾ *Agnelli*, Vita Georgii, cap. I, Italia Sacra, t. II, p. 346.

³⁾ *Ughelli*, Italia Sacra, t. II, p. 362.

⁴⁾ Въ 898 году сдѣлался архіепископомъ равеннскимъ Іоаннъ «*e nobilissima Traversariorum gente*»; см. *Ughelli*, Italia Sacra, t. II, p. 357.

⁵⁾ *Ughelli*, Italia Sacra, t. II, p. 377.

⁶⁾ *Inferno*, Canto V. Нѣкоторые считаютъ Франческу ди Римини не дочерью, а сестрою отца Гвидо Полентани.

новленія договора. Въ его отсутствіе мятежники открыли городъ Венеціанцамъ, прося ихъ защиты противъ тиранніи своихъ влaстителей. Назначенъ былъ судъ, и Полентани съ семействомъ заточены на островъ Кандію (1144 г.).

Подъ властью Венеціи Равенна отдохнула отъ смутъ и междоусобной вражды, которыя не прекращались во время господства дворянскихъ семействъ. Венеціанская республика мудрымъ правленіемъ умѣла давать благосостояніе и богатство своимъ подданнымъ. Во всѣхъ ея владѣніяхъ процвѣтала торговля, промышленность и земледѣліе, и не смотря на свое незначительное населеніе и небольшое пространство, она стояла въ числѣ первенствующихъ державъ Европы. Это высокое положеніе и благоустройство вызвали зависть въ другихъ государствахъ. Въ 1508 г. по Камбрейскому договору противъ Венеціи соединилась почти вся Европа: папа, Французскій король Людовикъ XII, императоръ Максимилианъ и Фердинандъ Испанскій. Въ 1509 году Венеція принуждена была уступить Юлію II свои владѣнія въ Романьѣ ¹⁾. Черезъ три года, когда при измѣнившихся обстоятельствахъ Франція изъ союзницы папы превратилась въ его врага, Равенна едва не перешла во власть Французовъ. Овладевъ уже нѣсколькими городами, въ томъ числѣ и Болоньей, Французы, подъ начальствомъ знаменитаго полководца Гастона де-Фуа, осадили Равенну, защищаемую войсками папы и Испанскаго короля. Тутъ произошла битва, съ которой, по словамъ историка, „не сравнится по ожесточенію никакое другое сраженіе того вѣка, обильнаго боями не на жизнь, а на смерть. Никогда еще не вступали въ бой такіа огромная силы, и никогда поле битвы не покрывалось столькими мертвыми тѣлами“. Убитыхъ считалось отъ 18 до 20 тысячъ. Равеннцы были побѣждены, и городъ преданъ разграбленію. Но и Французы понесли важную утрату: ихъ полководецъ былъ убитъ. На мѣстѣ этой битвы до сихъ поръ стоитъ небольшая бѣлая мраморная колонна, воздвигнутая въ память ея и называемая *Colonna dei Francesi*. По заключеніи мира, Равенна была снова воз-

¹⁾ Названіе Романья (*Romagna, Romandiola*) было дано мѣстности, известной въ древности подъ именемъ Эмилии и Фламиніи, когда она была передана во власть папъ. Они называли ее такъ въ знакъ того, что она была какъ бы другіиъ Римомъ и вѣрнѣйшею защитой имперіи противъ варваровъ (*Italia Sacra, t. II, p. 322*). Романьей въ тѣсномъ смыслѣ обозначается пространство между Равенной и Римни. Жители ея носятъ названіе *Romagnoli*.

вращена папѣ, и жители ея отместили страшными жестокостями за грабежъ и убійства, совершенные Французами.

Съ тѣхъ поръ Равенна уже почти не отдѣлялась отъ Папскихъ владѣній. Венеціанцы попытались было снова отнять ее въ 1527 г., но безуспѣшно. Она была объявлена главнымъ городомъ Романьи и резиденціей кардинала легата. Такъ осталась она до великихъ европейскихъ переворотовъ конца XVIII и начала нашего вѣка. Французская революція, Кампоформійскій миръ, учрежденіе Итальянскаго королевства, Вѣнскій конгрессъ—одинъ за другимъ приносили перемѣны въ Италію. При раздѣленіи Романьи на двѣ части, Равенна была назначена главой одной изъ нихъ, именно департамента Пинеты. Наконецъ, въ послѣднее время она вошла въ составъ новаго Итальянскаго королевства ¹⁾, какъ главный городъ провинціи того же имени.

III.

Теперь Равенна маленькій и незначительный городокъ, но по своему значенію въ исторіи христіанскаго искусства она стоитъ въ числѣ важнѣйшихъ городовъ міра, на ряду съ Римомъ и Константинополемъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи она можетъ быть даже важнѣе, драгоцѣннѣе для археолога и историка искусства, чѣмъ и Римъ и Константинополь, хотя въ обоихъ этихъ городахъ строились церкви уже во время Константина, а ея памятники принадлежатъ только къ V и VI столѣтіямъ. Римъ, давшій убѣжище столькимъ христіанамъ въ то время, когда ихъ безопасность и спокойное совершеніе богослуженія еще требовали тайны, сохранилъ въ своихъ подземельяхъ слѣды ихъ первыхъ небогатыхъ и педобныхъ храмовъ. Эти храмы были покинуты, когда нужда въ нихъ прошла, и по немногу забылись. Такъ они дожили до насъ почти въ своемъ первоначальномъ видѣ, и то, что могло уцѣлѣть отъ времени, осталось въ нихъ какъ было. Въ катакомбахъ св. Агнессы есть, на примѣръ, довольно большая церковь, которой первоначальное устройство и расположеніе частей можно видѣть ясно и даже въ подробностяхъ. Въ катакомбахъ св. Понціана открыта канелла, очевидно, служившая для крещенія, какъ показываютъ источникъ, водоемъ и образъ крещенія въ нишѣ. Множество произведеній скульптуры и живописи, вы-

¹⁾ P. Bembo, *Istoria Veneziana*, t. II, lib. VIII, XII; *Simondi*, *Histoire des Républiques Italiennes*, ch. LXIX, CIX, CX, CXVIII, CXX.

везенныхъ теперь изъ катакомбъ и хранящихся въ музеяхъ въ Римѣ и въ другихъ городахъ, показываетъ, какъ украшали христіане свои первые храмы. Но какъ ни важны эти храмы для исторіи, все-таки нельзя признать ихъ настоящими памятниками искусства. Они скорѣе произведенія первой нужды, подчиненныя требованіямъ необходимости, чѣмъ созданія свободнаго творчества. Устроители ихъ были стѣснены слишкомъ большимъ количествомъ условій, не дававшихъ имъ возможности осуществить свое идеальное представленіе. Они должны были мириться съ тѣмъ, что имъ давала судьба, и волей-неволей только въ кое-чемъ удовлетворять своимъ желаніямъ. Последующее время произвело уже на поверхности Рима много великолѣпныхъ храмовъ, дѣйствительныхъ созданій художества; но большая часть изъ нихъ была или передѣлана изъ прежде существовавшихъ зданій, какъ Латеранская базилика и базилика Либерія, или при постройкѣ ихъ употреблялись отдѣльныя части, взятыя отъ языческихъ храмовъ. Кромѣ того, почти ни одинъ изъ нихъ не уцѣлѣлъ въ своемъ первоначальномъ видѣ: одни, съ теченіемъ времени и при помощи разныхъ случайностей, пришли въ упадокъ и болѣе или менѣе разрушились; другіе, на которые было больше обращено вниманія, постоянно поддерживались и исправлялись и такимъ образомъ, отдавая дань каждому столѣтію, мало по малу теряли свой прежній характеръ. Такъ, напримѣръ, одна изъ древнѣйшихъ церквей Рима, базилика, построенная Константиномъ въ память апостола Петра надъ его могилой, съ теченіемъ времени обратилась въ роскошное произведеніе Микель-Анджело; базилика Либерія, которую посѣтители Рима знаютъ подъ именемъ Santa Maria Maggiore, сохранила только свой первоначальный планъ ¹⁾. Теперь, желая узнать, каковы были эти храмы, когда въ нихъ молились первые христіане, мы должны обращаться не столько къ нимъ самимъ, сколько къ описаніямъ современниковъ.

Константинополь, первая христіанская столица, былъ украшенъ множествомъ храмовъ, поражавшихъ въ то время своимъ великолѣпіемъ; но судьба его была такъ полна равныхъ перемѣнъ, что имъ невозможно было остаться не тронутыми, и изучая то, что уцѣлѣло отъ времени и людей, мы опять-таки болѣею частью должны обращаться къ современнымъ описаніямъ.

¹⁾ Одно изъ рѣдкихъ исключеній составляетъ замѣчательная церковь св. Климента.

Равенна, какъ и Константинополь, сдѣлалась столицей имперіи въ то время, когда христіанство уже получило преобладаніе. Она почти съ самаго начала своего возвышенія была христіанскимъ городомъ. Въ ней прежде не было великолѣпныхъ зданій, которыя она могла бы передѣлывать по требованіямъ новой религіи. Ея церкви должны были строиться вновь. И онѣ строились подъ вліаніемъ этого недостатка, дававшего волю фантазіи, и подъ вліаніемъ только что полученной свободы, обратившей помысли строителей на благолѣпіе храмовъ Божіихъ. Привозили изъ Греціи и изъ Истріи драгоценныя мраморы для обкладки стѣнъ и для колоннъ; покрывали цѣлыя своды и стѣны мозаикой, увѣковѣчивающей непрочныя произведенія живописи; появилась возможность изобрѣтенія и развитія новыхъ формъ и примѣненій, возможность усовершенствованія технической стороны зодчества. И во всемъ этомъ господствовалъ характеръ едипстна, такъ какъ почти каждое зданіе строилось сразу и было произведеніемъ одной мысли.

Время высокаго положенія Равенны было непродолжительно. Когда она снова передала первенство Раму, ея жителямъ пришлось думать не о расширеніи и украшеніи ея, а только о возможномъ поддержаніи того, что было болѣе важно. Самый городъ стѣснился на небольшомъ пространствѣ; дворцы и общественныя зданія, никому болѣе не нужные, по немногу исчезли, а церкви, поддерживаемыя на сколько это было необходимо, сохранились и до нашего времени. Теперь въ Равеннѣ нѣтъ почти ни одной новой церкви: за немногими исключеніями, всѣ онѣ—постройки V, VI столѣтій. Одна изъ нихъ, самая важная, и можетъ быть, самая древняя, наиболѣе требовавшая заботъ отъ города, именно — кафедральный соборъ, подверглась поправкамъ и совершенно перемѣнилась. Остальное же все, хотя запущенное и отчасти подправленное и подновленное, переноситъ насъ во времена Θεодорика и Юстиніана. Снаружи кирпичныя стѣны остались непокрытыми какъ были, и до сихъ поръ можно ясно видѣть и матеріалъ, изъ котораго они строились, и тщательную кладку того времени. Кое-гдѣ появились пристройки, но даже и неопытный взглядъ безъ особеннаго труда отличить ихъ отъ древняго строенія. Планъ вездѣ, кромѣ собора, остался неприкосновеннымъ. Исчезла часть мозаикъ, исчезли нѣкоторыя украшенія, прельстившія завоевателей или самовластныхъ сосѣдей ¹⁾, но эти потери гораздо

¹⁾ Карлъ Великій увезъ изъ Равенны конную статую Θεодорика, которая поразила его своею красотою и велѣлъ поставить въ Ахенъ (*Agnelli, Lib. Pont.*,

менѣе значительны, чѣмъ лишенія, которымъ подвергались многія другія мѣстности. Въ Равеннѣ такъ много древности, что, сравнивая этотъ городъ съ другими, и теперь еще къ нему можно прибить стихъ Данта:

Ravenna sta, com'è stata molt'anni.

Что чрезвычайно важно для изслѣдователей, — о времени построения равеннскихъ храмовъ есть довольно точныя свѣдѣнія. Равеннскій аббатъ Агнесалъ, жившій въ IX вѣкѣ, написалъ жизнеописаніе всѣхъ равеннскихъ епископовъ, начиная отъ основанія церкви до своего времени. Въ числѣ дѣяній епископовъ онъ постоянно упоминаетъ построеніе церквей и иногда присоединяетъ даже нѣкоторыя подробности, или о постройкѣ, или о самомъ храмѣ ¹⁾.

Цельзя не замѣтить того вліянія, которое оказываютъ окружающія древности на населеніе. Праздные посѣтители въ Равеннѣ не часты и не многочисленны. Немногіе путешественники, заглядывающіе въ нее, большею частью проводятъ время за изученіемъ ея памятниковъ. Это пріучило и народъ смотрѣть на свой городъ съ дѣйствительнымъ уваженіемъ и безъ того корыстолюбиваго и невѣжественнаго взгляда, который невольно развивается въ жителяхъ мѣстѣ, посѣщаемыхъ очень многими изъ одного любопытства.

Въ Равеннѣ каждый мужикъ съ почтеніемъ произноситъ слово „antichità“. Единственный въ городѣ фотографъ (мы, по крайней мѣрѣ, другого не выдали), и притомъ фотографъ очень хорошій, исключительно занимается тѣмъ, что воспроизводитъ всѣ замѣчательныя памятники древности Равенны. Онъ занимается этимъ дѣломъ съ увлеченіемъ любителя и со вниманіемъ знатока. Его квартира, помещенная въ прекрасномъ старинномъ домѣ, можетъ быть, принадлежавшемъ, какъ и панна гостинница, когда-нибудь знатному роду, совсѣмъ не

vita Petri Senioris, cap. II). Въ время постройки дворца въ Ахенѣ онъ приказалъ привезти изъ Рима и Равенны колонны и ираиоръ (*Einhard.*, Vita Caroli Magni, въ *Pertz*, Monumenta Germaniae, t. II, p. 457). Въ IX вѣкѣ церковь въ Классеѣ пострадала отъ набѣговъ Сарацинъ (*Muratori*, t. II, p. 203). Еще позже владыкѣли Римляни увезли нѣкоторыя драгоценности изъ Равенны къ себѣ.

¹⁾ Агнесалъ, или Андрей, былъ аббатомъ въ монастырѣ или церкви Пресвятой Дѣвы Маріи, называвшемся Влахернскимъ, при епископахъ Мартинѣ, Петронакии и Георгии. Въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ себя кардиналомъ. Заглавіе книги его: Liber Pontificalis, sive vitae pontificum Ravennatum (ed. *Muratori* tomus secundus). (*Agneselli*, Lib. Pont., vita S. Petri, cap. II, p. 56; vita Maximiani, cap. VII, p. 109; vita Martini, cap. I, p. 182; vita Petronacii, p. 184; vita Georgii, cap. II, p. 186).

похожа на квартиру обыкновеннаго фотографа. Тамъ нѣтъ альбомовъ, портретовъ висить очень мало; за то большіе и маленькіе портфели наполнены снимками.

Въ Равеннѣ, впрочемъ, нельзя не увлекаться древностью. Не говорю ужъ объ археологахъ и историкахъ,—для нихъ она источникъ многихъ наслажденій,—но и не посвященнаго она неотразимо влечетъ къ себѣ. Съ почтеніемъ и любовью смотришь на старыя темноокрасныя стѣны, на суровые лики древнихъ образовъ, на обвѣтрившійся мраморъ колоннъ и барельефовъ, и хочется разсматривать ихъ, вникать въ ихъ исторію, добиваться ихъ первоначальнаго вида.

Для насъ, православныхъ, равеннскія древности особенно привлекательны. Нигдѣ, даже въ римскихъ катакомбахъ, такъ не поражаетъ присутствіе греческихъ письменъ. Греческія надписи, иконы древней византійской живописи святы для насъ какъ что-то родное; и невольно смотришь на Равенну, какъ на старшій православный городъ, одинъ уцѣлѣвшій посреди католичества. То короткое время, которое мы пробывъ въ Равеннѣ, оставило по себѣ много дорогихъ и пріятныхъ воспоминаній. Одно только жаль—что память сохранила не въ большой подробности остатки ея старины. Припоминая все, что мы видѣли, и чувствуя недостаточность своихъ воспоминаній, мнѣ захотѣлось освѣжить и провѣрить ихъ, захотѣлось узмать больше подробностей о равеннскихъ храмахъ. Старое описаніе Агнелла, нѣкоторыя другія, новыя сочиненія явились мнѣ на помощь и подкрѣпили прежнія впечатлѣнія. Я не надѣюсь, чтобы мои замѣтки могли быть замѣтательны для того, кто совсѣмъ не знакомъ съ Равенной; и того будетъ мнѣ довольно, если они вновь вызовутъ воспоминанія въ тѣхъ кому довелось видѣть эту старую христіанскую столицу.

О. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ .

1877.

192
1877

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90-1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Равенна и ея древности О. С.

Варяги-Русь и Балтійскіе Славяне І. Первольфа.

По вопросу о іудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Ерифу . . . А. Гаркави.

Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Іоасафъ. А. Веселовскаго.

О древней культурѣ Западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка

Наша учебная литература

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты

Вопросъ о преподаваніи статистики на Пензенскомъ статистическомъ конгрессѣ 1876 года. С. Матвѣева.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки)

РАВЕННА И ЕЯ ДРЕВНОСТИ ¹⁾.

IV.

Самымъ древнимъ зданіемъ въ Равеннѣ слѣдуетъ считать ея соборную церковь, хотя дѣйствительно древняго въ ней сохранилось очень немного. Она была построена около 400 года епископомъ Урсомъ, отъ имени котораго и донынѣ сохраняетъ названіе *Basilica Orsiana*. До тѣхъ поръ въ Равеннѣ не было достойнаго храма Божія, и въ немъ не могла не чувствоваться надобность, особенно со времени перенесенія туда столицы. Одни думаютъ, что епископъ Урсъ, происходившій будто бы изъ богатаго сицилійскаго рода, посвятилъ церкви свое состояніе, другіе—что императоръ Гонорій пожертвовалъ сицилійскіе доходы въ пользу равеннскаго собора. Какъ бы то ни было, воздвигся обширный и богато украшенный храмъ. О постройкѣ его разказываетъ аббатъ Агпелль. „Весь народъ“, говоритъ онъ, — „какъ одинъ человекъ радовался построенію поваго храма, и всѣ съ веселіемъ принимали участіе въ работахъ“. Стѣны храма были покрыты дорогимъ мраморомъ, на крышѣ разноцвѣтная череница (*tesselli*) расположена различными узорами. Въ части храма, предназначавшейся для мужчинъ, стѣны были украшены рельефными аллегорическими изображеніями людей и животныхъ. Въ женскомъ отдѣленіи, кажется, не было подобныхъ украшеній, а были только мраморныя плиты и колонны. Церковь получила названіе *Anastasis* или *Agia Anastasis* (воскресеніе), то-есть, была посвящена празднику Воскресенія Христова. Равенницы дорожили своимъ соборомъ и старались всячески украшать и поддерживать его. Съ теченіемъ времени онъ потребовалъ большнхъ поправокъ; въ нихъ, конечно, высказался но-

¹⁾ Окончаніе. См. июньскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

вый вкусъ и сталь все больше и больше закрывать собою древность. Наконецъ, въ XVIII вѣкѣ, стараніемъ трехъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ епископовъ, онъ совершенно перестроился въ стилѣ того времени. Теперь отъ древности осталась только высокая круглая, отдѣльно стоящая башня, немного покосившаяся на бокъ, которая служить колокольней. Другой остатокъ древности—недавно открытый склепъ подъ алтаремъ, недоступный потому, что даже и лѣтомъ залить водою. Доктору Рану удалось видѣть рисунки этого склепа, сдѣланные кавалеромъ Ланчѣани, занимающимся раскопками въ Равеннѣ. По его словамъ, это полукруглое помѣщеніе, поддерживаемое шестью колоннами то съ коринтскими, то съ іоническими капителями, образующими разнообразныя своды ¹⁾).

Внутренность собора украшена образами работы лучшихъ живописцевъ Романіи, между прочимъ Гвидо Рени, уроженца Болоньи. Въ ризницѣ и отчасти въ самомъ храмѣ хранится нѣсколько остатковъ древней церкви. Въ стѣнѣ прохода за алтаремъ вдѣланы мраморныя доски, покрытыя изображеніями рыбъ, голубей, лгнать, павлиновъ и другихъ символическихъ животныхъ,—вѣроятно, остатокъ древняго украшенія, о которомъ говоритъ Агнеллъ ²⁾). Въ другомъ мѣстѣ, воулѣ входа въ ризницу, вдѣлана мраморная доска съ пасхальною таблицей отъ 532 до 622 года. Къ этому же времени относится серебряный крестъ, называемый крестомъ св. Агнелла, который, вѣроятно, прежде былъ запрестольнымъ. Величина его около двухъ аршинъ, и онъ весь составленъ изъ круглыхъ образовъ. Всѣхъ образовъ двадцать-одинъ. Въ самой серединѣ съ одной стороны изображено Воскресеніе Христово, съ другой—молящаяся Богородица съ приподнятыми руками. Остальные двадцать расположены крестообразно, правильнымъ равноконечнымъ крестомъ, по пяти въ каждую сторону. Крестъ этотъ былъ устроенъ епископомъ Агнелломъ, жившимъ во время Юстиніана (еписк. 558—566 гг.). По ревностной заботливости объ украшеніи храмовъ, этотъ епископъ сходился съ самимъ императоромъ. Не безъ его стараній совершилась въ то время передача православнымъ всѣхъ аріанскихъ храмовъ, изъ которыхъ многіе отличались великолѣпіемъ. При немъ же были построены и другіе

¹⁾ *R. Rahn*, Ein Besuch in Ravenna въ *Jahrbücher für Kunstwissenschaft* von *A. Zahn*. 1868, Bd. I, S. 166.

²⁾ Думаютъ также, что они служили украшеніемъ звона.

храмы ¹⁾. Кроме нѣкоторыхъ менѣе замѣчательныхъ вещей, которыхъ древность не такъ опредѣлена, въ ризницѣ хранится еще древнее епископское кресло, приписываемое Максиміану (еписк. 546—553 гг.). Это кресло изъ слоновой кости, покрытое разными изображеніями ²⁾. На нижней части его спереди изображено пять рельефныхъ фигуръ; четыре боковыя—фигуры евангелистовъ, средняя, держащая въ рукѣ агнца, принимается одними за Христа, другими за Іоанна Крестителя, такъ какъ агнецъ есть принадлежность изображенія добраго пастыря, символа Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ часто присоединяется къ образу Іоанна. Впрочемъ, самая фигура и одежда ея скорѣе предполагаетъ Іоанна, чѣмъ Христа. Надъ этими изображеніями находится монограмма, въ которой читается имя *Maximianus episcopus*, почему и кресло приписывается Максиміану. На боковыхъ стѣнкахъ представлена исторія Іосифа въ десяти изображеніяхъ. Высокая, вогнутая и закругленная сверху спинка раздѣлена на небольшіе четырехугольные куски, въ которыхъ недостаетъ четырнадцати. На оставшихся находятся изображенія изъ жизни Іисуса Христа. Въ недавнее время найдена одна табличка, вѣроятно, изъ числа пропавшихъ. Она вырѣзана съ обѣихъ сторонъ: съ одной стороны представлено претвореніе воды въ вино; съ другой — сонъ Іосифа, которому является ангель, и бѣгство въ Египеть ³⁾.

Возлѣ собора стоитъ почти одновременное съ нимъ зданіе, баптистерій, *San Giovanni in Fonte*. На западѣ до довольно поздняго времени существовалъ обычай совершать крещеніе въ городахъ только въ соборной церкви. Для этого при соборахъ строились отдѣльныя зданія круглой формы съ купелью, то-есть, съ водоемомъ по срединѣ. Купель бывала довольно большая, такъ какъ крещеніе до XIV вѣка совершалось черезъ погруженіе. Эта купель, а отъ нея и

¹⁾ *Agnelli*, *Lib. Pont.*, via S. Agnelli, cap. II, III; *Ughelli*, *Italia Sacra*, t. II, p. 337. По описанію Агнелла лѣтописца, въ срединѣ креста былъ изображенъ епископъ на молитвѣ; но это, кажется, ошибка, потому что женская фигура видна совершенно ясно; Агнеллъ же говоритъ, что крестъ этотъ былъ поставленъ за епископскимъ мѣстомъ.

²⁾ Рисунокъ этого кресла помѣщенъ у *Муратори* въ т. II, стр. 215 на пяти таблицахъ. У *Рама* въ *Ein Besuch in Ravenna* есть также снимокъ съ изображенія одного изъ евангелистовъ.

³⁾ *Agnelli*, *Lib. Pont.*, vita S. Ursi, p. 51; *Ughelli*, *Italia Sacra*, t. II, p. 331, 362. Предполагаютъ также, что это последнее изображеніе есть переселеніе въ Визельмъ (*Rossi* въ *Bullettino di archeologia christiana*, III, 28, 29).

самое зданіе, получило названіе баптистеріа, то-есть, крестильни (Baptisterium, baptisterium, также фатистеріон, illuminatorium, иногда aula baptisinalis). Подобныя баптистеріи видимъ мы при соборахъ во Флоренціи, Пизѣ, Болонѣ, Пармѣ, Римѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ они теперь стоятъ безъ всякаго употребленія¹⁾. По словамъ Агнелла, равенскій баптистерій былъ возобновленъ епископомъ Неономъ, то есть, между 426 и 430 годами; слѣдовательно, основаніе его должно относить къ еще болѣе отдаленному времени. Онъ сохранился до сихъ поръ почти безъ всякихъ передѣлокъ и по справедливости можетъ назваться однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ христіанскаго водчества. Теперь это зданіе восьмиугольной формы, съ двумя низкими полукруглыми абсидами у двухъ сторонъ. По всей вѣроятности, оно стояло прежде на площади; теперь же съ двухъ сторонъ къ нему прислонились частныя постройки, и даже войти въ него можно только черезъ сѣни сосѣдняго дома. По общему виду оно кажется нѣсколько низкимъ, приземистымъ въ сравненіи съ шириною. Но таково было оно вначалѣ. Почва, постепенно нарастая въ продолженіе четырнадцати вѣковъ, поднялась около него аршина на два. Недавно кавалеръ Ланчѣани произвелъ раскопки вокругъ баптистеріа и открылъ остатки его древняго фундамента. По этимъ остаткамъ видно, что храмъ въ основаніи своемъ былъ не восьмиугольный, а четырехсторонній съ закругленными углами. Два изъ этихъ закругленныхъ угловъ и теперь образуются сохранившимися полукруглыми абсидами, высотой своею доходящими только до втораго яруса. По всей вѣроятности, имъ соотвѣтствовали еще два, и такимъ образомъ, баптистерій, четырехугольный въ основаніи, превращался въ восьмиугольный во второмъ ярусѣ. Раскопки открыли также и входную дверь въ храмъ, которая почти вся была занесена землею. Обѣ двери и вновь открытая, и та, которая служитъ теперь, расположены симметрично на двухъ сторонахъ противоположно алтарю. Надъ кровлями абсидовъ видны два ряда оконъ; въ первомъ ряду на каждой изъ восьми сторонъ одно большое окно, теперь прямоугольное, прежде же бывшее закругленнымъ вверху, какъ показиваетъ кладка кирпича; во второмъ ряду длинныя формы двухсводныхъ оконъ, образуемая нѣсколько углубленною кладкою, по двѣ на каждой сторонѣ²⁾.

¹⁾ *Ducange*, Gloss. med. et inf. latin.; *Augusti*, Die heiligen Handlungen der Christen, Bd. IV, Cap. VII.

²⁾ *Rossi* въ *Bullettino di Archeol. christ.*, IV, 73.

Внутри баптистерій представляет также восьмиугольникъ съ углубленіями въ двухъ абсидахъ. Въ верху онъ округляется помощью парусовъ и оканчивается плоскимъ куполомъ. На сколько вѣнность его проста и незатѣйлива, на столько богата отдѣлкой внутренность. Великолѣпная мозаика сплошь покрываетъ куполь, колонны и накладки изъ мрамора и порфира украшаютъ стѣны. Первый ярусъ украшеній на стѣнѣ состоитъ изъ восьми арокъ, опирающихся на колонны, поставленныя въ восьми углахъ храма. Колонны всѣ изъ различнаго мрамора, разныхъ діаметровъ и съ разными капителями, большею частью римскаго ордена. Стѣны въ аркахъ прежде были покрыты мраморными накладками; теперь сохранилось только нѣсколько плитъ въ немногихъ мѣстахъ. Самыя арки обрисованы на стѣнѣ мозаичною работою, а углы, образовавшіеся въ верху между ними, заполнены мозаичными же разводами; посреди каждаго, въ овальномъ вѣнкѣ изъ листьевъ, на золотомъ фонѣ стоитъ фигура, изображающая, какъ думаютъ, одного изъ пророковъ. Во второмъ ярусѣ надъ каждою аркою обозначены по три меньшія арки; средняя гораздо больше, чѣмъ двѣ боковыя, и въ ней приходится окно. Каждая три арки вѣстѣ соединены одною общою аркою. Въ боковыхъ лѣпныхъ украшеніяхъ позднѣйшаго времени: мужская фигура, стоящая подъ навѣсомъ, опирающимся на двѣ колонки; крыша навѣса то круглая, то острая, и на ней пара символическихъ животныхъ—овець, козловъ, львовъ, морскихъ лошадей, оленей, навалиновъ, орловъ, пѣтуховъ; они обращены къ стоящему между ними сосуду. Пространство между тремя меньшими и обнимающею ихъ общою аркою тоже заполнено лѣпными разводами изъ листьевъ; но отъ нихъ сохранились только остатки. Этимъ украшеніемъ кончаются стѣны, и выше начинается куполь. Середину его занимаетъ изображеніе Спасителя, принимающаго крещеніе. Спаситель стоитъ до половины въ водѣ; Іоаннъ Креститель, обращенный профилемъ, одною ногою опирается на камень; въ одной рукѣ онъ держитъ посохъ съ крестомъ, въ другой чашу; нижняя часть его тѣла покрыта одеждою. Вмѣсто ангеловъ, обыкновенно изображаемыхъ при крещеніи, платъ держитъ Іорданъ въ видѣ старика, напоминающій рѣчнаго бога ¹⁾. Вокругъ

¹⁾ Такое смѣшеніе христіанскаго и языческаго характера нерѣдко встрѣчается на древнихъ христіанскихъ образахъ. Такъ, напримеръ, въ одной изъ римскихъ катакомбъ есть изображеніе Спасителя подъ видомъ Орсея, свою лирою привлекающаго къ себѣ животныхъ (см. *Seroux d'Agincourt, Denkmäler der Malerei, tab. VIII*).

этого образа на широкой полосѣ представлены двѣнадцать фигуръ апостоловъ. Они идутъ—шесть въ одну сторону и шесть въ другую; впереди Петръ и Павелъ, которые такимъ образомъ встрѣчаются. Въ рукахъ, окутанныхъ тою, каждый несетъ вѣнецъ, богато украшенный драгоценными каменьями. Рисунокъ фигуръ выказываетъ быстрое движеніе. Лица разнообразны, головы въ разныхъ поворотахъ. Тоги и туники попеременно бѣлыя и желтыя. Земля зеленая, а за фигурами видно голубое небо. Фигуры отдѣляются одна отъ другой золотыми стеблями съ листьями, а верхъ изображенія занимаетъ красная съ бѣлымъ полосатая драпировка, приподнятая надъ головою каждой фигуры. Вокругъ полосы съ апостолами идетъ другая, также довольно широкая, соединяющая мозанку купола съ украшеніями стѣны. Она состоитъ изъ разнообразныхъ пестрыхъ рисунковъ, раздѣляющихъ ее въ длину на тридцать-двѣ части. Въ каждой части архитектурныя украшенія образуютъ раму, въ которой помѣщенъ или аналогій съ раскрытымъ евангеліемъ, или престолъ, или епископское сѣдалище, или рѣшетка съ видною изъ-за нея зеленью.

По срединѣ храма устроена восьмиугольная же купель, выложенная мраморомъ и порфиромъ и окруженная мраморною же стѣнкой. Съ одной стороны ея — амвонъ, небольшой выступъ, предназначавшійся для священнодѣйствующаго. На стѣнкѣ амвона придѣлана мурокхранительница въ формѣ лежащаго агнца. Съ двухъ сторонъ входа находятся двѣ капеллы, устроенныя недавно на мѣстѣ прежнихъ, пришедшихъ въ упадокъ. Въ одной изъ нихъ въ престолъ вставлена древняя каменная плита съ рельефными изображеніями; въ другой стоитъ мраморная урна, также со скульптурными украшеніями, которая, какъ говорятъ, находилась прежде въ храмѣ Юпитера въ Цезарей¹⁾.

Небольшая площадка съ одной стороны храма, вѣроятно, служила въ старину кладбищемъ, потому что на ней стоитъ нѣсколько мраморныхъ гробницъ-памятниковъ, относящихся къ гораздо позднѣйшему времени, чѣмъ само зданіе.

Подобной судьбѣ, какъ и соборъ, подверглась *базилика, посвященная св. Петру* и построенная въ одно время съ нимъ. Отъ ея древняго зданія осталась только алтарная часть—абсидъ, состоящій изъ половины десятиугольника съ пятью большими сводчатыми окнами.

¹⁾ *Agnelli, Lib. Pont. vita, S. Neonis, cap. I, p. 58; Ughelli, Italia Sacra, t. II, p. 333.*

На маленькомъ остаткѣ стѣны видѣнъ очеркъ прежнихъ оконъ, и можно догадаться о ея внѣшней отдѣлкѣ. Даже и имя храма перемѣнилось: теперь онъ называется *San Francesco* ¹⁾). Рядомъ съ нимъ возвышается стройная и красивая четырехугольная башня — колокольня, которую нѣкоторые изслѣдователи относятъ къ тому же древнему времени.

Съ одной стороны церкви была, какъ полагаютъ, древняя паперть или ардика, какъ онѣ назывались въ Равеннѣ. Здѣсь стоятъ теперь капелла, извѣстная подъ именемъ *Braccio forte*, постройка не древняя, но сохранившая свое имя отъ очень древняго времени. Агвелль, упоминая, что на паперти храма св. Петра былъ похороненъ епископъ Неонъ, рассказываетъ преданіе о происхожденіи этого названія, „потому что“, говоритъ онъ, — „уже немногіе старики помнятъ это“. Собственно *Braccio forte*, *Brachium forte* назывался образъ, находившійся на стѣнѣ при входѣ на паперть церкви Петра Апостола. Этотъ образъ представлялъ Спасителя съ протянутою рукою; по сторонамъ его были изображены апостолы Петръ и Павелъ. Однажды, говоритъ Агвелль, — два человѣка заключили между собою союзъ дружбы. Какъ-то одному изъ нихъ понадобились деньги, и онъ обратился къ другому, прося его ссудить ихъ ему тайно, такъ чтобы никто не зналъ. Они сошлись у церкви Петра Апостола, и какъ изъ-за тайны нельзя было ни пригласить свидѣтели, ни заключить договора, то они призвали въ свидѣтели между собою Спасителя, изображеннаго при входѣ, и заимодавецъ сказалъ: „Господи Боже Всемогущій, черезъ твою святую десницу даю я ему эти деньги, и если онъ ихъ мнѣ не возвратитъ, то возврати ихъ мнѣ Ты Самъ“. Должникъ, получивъ деньги, отправился въ Константинополь. Тамъ дѣла его пошли такъ удачно, что деньги, взятые имъ въ займы, скоро учетверились, и онъ, увлеченный успѣхомъ, забылъ о своемъ долгѣ. Срокъ платежа давно прошелъ, и заимодавецъ, нуждаясь въ деньгахъ, сталъ молиться, чтобы Спаситель, владѣющій небомъ и землей, подвинулъ одного человѣка и принудилъ его исполнить свою обязанность. Тотчасъ послѣ этой молитвы Спаситель явился во снѣ должнику и повелѣлъ, чтобы онъ возвратился въ Равенну и отдалъ свой долгъ. Три раза повторялся сонъ; наконецъ, должникъ увидѣлъ свой грѣхъ, позналъ волю Божью, и возвратившись въ Равенну, вполне заплатилъ

¹⁾ Кажется, что базилика св. Петра была отдана впоследствии французскому монашеству, отчего, вѣроятно, и перемѣнила имя.

долгъ своему другу. Съ тѣхъ поръ образъ Спасителя получилъ названіе *Brachium forte* или *Brachium Fortis* (рука сильная или рука Сильнаго)¹⁾.

Во время императрицы Галлы П्लाцидіи и ея наслѣдника Валентиніана III въ Равеннѣ воздвиглось нѣсколько храмовъ. Изъ нихъ важнѣйшимъ былъ храмъ *св. Креста*, которому была дана крестообразная форма. Онъ находился недалеко отъ императорскаго дворца. По словамъ Агнелла, это была одна изъ великолѣпнѣйшихъ построекъ той эпохи. Въ числѣ картинъ и изваяній, украшавшихъ ее, была замѣчательна картина, представлявшая четыре райскія рѣки. Въ этой церкви Галла П्लाцидіа часто проводила ночи въ молитвѣ. На восковыхъ свѣчахъ, которыя при этомъ зажигались, съ помощью придѣланныхъ къ подсвѣчнику рукоятокъ, можно было измѣрять, сколько свѣчи сгорѣли. По словахъ Агнелла, императрица молилась на колѣнахъ, пока свѣчи горѣли до опредѣленной мѣтки²⁾.

Другой храмъ, *базилика Иоанна Евангелиста*, былъ построенъ Галлой П्लाцидіей по обѣту въ память спасенія отъ бури, настигшей ее на пути изъ Константинополя въ Равенну, когда она вѣхала принять правленіе Западною имперіей послѣ смерти Гонорія. Съ нею былъ ея малолѣтній сынъ Валентиніанъ, вновь избранный императоръ, и дочь ея Гонорія. Буря была такъ сильна, говоритъ преданіе, — что всѣ спутники императрицы были въ полной увѣренности, что погибнуть, и предали себя во власть Божию. Вдругъ, когда, казалось, уже настала послѣдняя минута, у руля появился старецъ съ сѣдою бородой, и корабль, направляемый его рукой, прошелъ черезъ бурныя волны и благополучно прибылъ въ гавань. Всѣ признали въ этомъ старцѣ Иоанна Евангелиста. Императрица тутъ же дала обѣщаніе выстроить въ честь его богатый храмъ и почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Равенну начала приводить въ исполненіе свой обѣтъ.

Подробныя описанія этого храма остались отъ того времени, когда онъ былъ еще во всей своей красотѣ, и существовали образа и надписи, обозначавшія когда и кѣмъ онъ былъ построенъ³⁾. У

¹⁾ *Agnelli*, Lib. Pont. vita, S. Neonis, p. 59, cap. II; *Rossi*, въ *Bullettino di arch. christ.*, IV, 73.

²⁾ *Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Johannis, cap. V, p. 68.

³⁾ *Muratori*, t. I, pars II, p. 267 и слѣд. Последнее изъ этихъ описаній принадлежитъ архіепископу Рейнальду, жившему въ началѣ XIV в.; *Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Johannis, cap. VI, p. 68.

подножія огромнаго мозаичнаго образа Спасителя въ абсидѣ была надпись:

Sancto ac beatissimo Johanni Evangelistae
Galla Placidia Augusta
cum filio suo Placido Valentiniano Augusto
et filia sua Justa Grata Honoria Augusta
liberationis periculum maris votum solventes.

Двѣнадцать закрытыхъ книгъ по сторонамъ обозначали апостоловъ. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ украшеній была большая мозаичная картина надъ входомъ въ алтарь, изображавшая то самое происшествіе, которое было причиною построенія храма. Она представляла бурное море съ двумя кораблями посреди волнъ. На одномъ изъ кораблей на мѣстѣ кормчаго былъ изображенъ Іоаннъ Евангелистъ; лица путешествующихъ казались исполненными страха. Кругомъ картина была окружена каймой изъ листьевъ и цвѣтовъ. Въ числѣ другихъ мозаикъ, украшавшихъ стѣны, были портреты родственниковъ императрицы. Вѣроятно, они были помѣщены на внутреннемъ вырѣзѣ большой арки. За горнимъ мѣстомъ былъ также портретъ епископа, освящавшаго церковь (Петра Хрисолога). Такимъ образомъ, вездѣ, гдѣ возможно, были упоминанія о томъ, по какому случаю былъ построенъ храмъ. Даже мозаичный полъ представлялъ бурное море. Теперь въ одной изъ капеллъ хранятся обломки мозаики, какъ думаютъ, составлявшей этотъ полъ. Это небольшіе четырехугольные кусочки, большею частью одной величины и формы; на нѣкоторыхъ изображены люди, на другихъ звѣри. Есть два изображенія корабля. Рисунки звѣрей обведены каемкой, слѣдовательно, составляютъ отдѣльное цѣлое; на другихъ этого не замѣтно, такъ что они могли быть частью большой картины. Между этими обломками отличается одинъ, по видимому, отрѣзокъ круга. На немъ видно изображеніе одежды, позволяющее предполагать, что это былъ поясной образъ, можетъ быть, Іоанна Евангелиста, можетъ быть, Спасителя.

Двѣ колонны, поддерживавшія арку при входѣ въ алтарь, были покрыты серебромъ. Точно также были выложены серебромъ колонны, на которыхъ покоилась мраморная сѣнь надъ престоломъ. Самый престолъ былъ богато украшенъ золотомъ и драгоценными камнями. Надъ нимъ висѣло множество золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, между которыми одна была сдѣлана въ видѣ летящаго голубя.

Отъ всѣхъ этихъ богатствъ теперь не осталось и слѣда. Но за то самая церковь, за исключеніемъ алтарной части, которая попорчена

позднѣйшими поправками, не была передѣлана и представляетъ древнѣйшій образецъ базилики въ Равеннѣ. Это длинное зданіе, раздѣленное на три продольныя части, такъ называемые корабли, двумя рядами колоннъ (двадцатью-двумя) сѣраго мрамора съ черными жилами. Капители коринтскаго ордена не непосредственно поддерживаютъ арки: на нихъ лежатъ вторыя капители, такъ называемые „импосты“, почти кубической, формы безъ всякой отдѣлки, только съ крестомъ, вырѣзаннымъ на передней сторонѣ. Эти импосты есть особенная принадлежность равеннскаго зодчества.

Возлѣ церкви стоитъ высокая четырехугольная башня съ круглою острою крышею, которая покрыта бѣлою и ярко-зеленою черепицею.

Изъ построекъ Галлы Пладиіи лучше всего сохранилась и поэтому для насъ всего замѣчательнѣе капелла, назначенная ею для погребенія членовъ ея семейства, посвященная св. Назарію и Кельсію и извѣстная подъ названіемъ *San Nazaro e Celso*. Она была поставлена возлѣ той церкви св. Креста, которую императрица особенно почитала, и какъ показали откритія кавалера Ланчіани, примыкала своею папертью къ южной сторонѣ обширной паперти этой церкви. Теперь, такъ какъ нынѣшняя церковь св. Креста гораздо меньше древней, а отъ папертей сохранились только остатки фундамента въ землѣ, оба храма находятся уже на довольно значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго ¹⁾.

Планъ капеллы, также какъ и первобытный планъ церкви св. Креста, есть такъ называемый латинскій крестъ небольшого размѣра, всего только около шести сажень въ одну сторону и пяти въ другую. Высота также незначительная, и только самая середина поднимается надъ остальнымъ низенькою квадратною башенкою. На стѣнахъ владкою кирпича обозначены арки — обыкновенное украшеніе древнихъ равеннскихъ храмовъ, — по три на концахъ креста и по двѣ на боковыхъ сторонахъ. Плоская черепичная крыша покрываетъ все зданіе. Такова внѣшность императорской усыпальницы, ничѣмъ не поражающая, выдѣляющаяся посреди другихъ зданій только своею менѣе обычною формою. За то внутренность производитъ дѣйствительно глубокое впечатлѣніе, вполне соотвѣтствующее назначенію храма.

¹⁾ *Rossi*, въ *Bullettino di arch. christ.*, IV, 74. Ланчіани замѣчаетъ, что подобно этому, гробница Константина Великаго была расположена на паперти храма Апостоловъ.

Надъ серединой возвышается полушарный куполь; отъ него въ четыре конца расходятся полукруглые своды. Небольшія окна подъ основаніемъ купола и въ концахъ креста даютъ не яркое, но и не слабое, мягкое освѣщеніе. Куполь, своды и верхняя часть стѣнъ сплошь покрыты превосходною и богатѣйшею мозаикой, темно-синяго общаго колорита. Куполь представляетъ небо, усѣянное золотыми звѣздами, посреди которыхъ блеститъ золотой крестъ ¹⁾. Подъ нимъ, надъ четырьмя углами срединной части—символы четырехъ евангелистовъ. Еще ниже, на стѣнахъ, поддерживающихъ куполь, по сторонамъ каждаго окна стоятъ по двѣ мужскія фигуры въ бѣлой одеждѣ, вѣроятно, изображающія пророковъ. Между ними, подъ окошкомъ, два голубя, сидящіе на краю сосуда съ водою. Голубое небо, составляющее фонъ всей картины, въ верху заканчивается раковиною сѣраго цвѣта. Своды покрыты золотымъ орнаментомъ на синемъ фонѣ. На концахъ креста оканчивающіеся своды образуютъ полукруги. Въ двухъ изъ нихъ, надъ входомъ и противъ него, находятся мозаичные образа. Противъ входа изображенъ Спаситель, сжигающій книгу, аллегорическое представленіе суда надъ еретическими ученіями. На противоположномъ концѣ, посреди гористой мѣстности изображенъ Христосъ въ видѣ добраго пастыря. Въ двухъ другихъ полукругахъ въ поперечныхъ концахъ храма сдѣланъ золотой орнаментъ на синемъ фонѣ, и посреди него два оленя пьютъ изъ источника. Всѣ образа и края арокъ и стѣнъ обведены мозаичною каймой чрезвычайно красивыхъ и разнообразныхъ рисунковъ. Въ разрывахъ оконъ сдѣланы также особенные мозаичные рисунки. Нижняя часть стѣнъ была прежде выложена мраморными плитами, но теперь онѣ уже больше не существуютъ. Исчезъ точно также и древній мозаичный полъ, о которомъ мы знаемъ изъ описаній, и замѣненъ другимъ, теперь уже старымъ и довольно истертымъ. За исключеніемъ этихъ двухъ потерь, вся мозаика сохранилась замѣчательно хорошо, и какъ по исполненію, такъ и по рисунку, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній древняго христіанскаго искусства. Особенно поражаетъ въ ней стройное сочетаніе цвѣтовъ. На

¹⁾ Квастъ въ своемъ описаніи Равенны замѣчаетъ, что крестъ этотъ также какъ планъ церкви, съ однимъ удлиненнымъ концомъ, но направленіе длиннаго конца идетъ не къ сѣверу, какъ направленіе церкви, а къ востоку. Онъ предполагаетъ, что въ положеніи его есть, можетъ быть, кака-нибудь связь съ положеніемъ главной церкви св. Креста (v. *Quast*, *Die altchristlichen Bauwerke von Ravenna*, Berlin, 1842, S. 12).

двухъ большихъ образахъ, на каймахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посреди золотыхъ разводовъ, встрѣчаются и красная, и зеленая краска, разныхъ оттѣнковъ, и бѣлая, но онѣ не производятъ пестроты, а напротивъ того, только придаютъ общему спокойному синему колориту характеръ какой-то ясной торжественности.

Посреди храма на небольшомъ возвышеніи стоитъ престолъ, также принадлежащій глубокой древности. Это мраморный столъ, спереди и съ боковъ опирающійся на глухія мраморныя же стѣнки, съ колоннами по угламъ, сзади же открытый. На передней стѣнкѣ изваянь крестъ, а по сторонамъ его два агнца и два лавлина. За престоломъ — гробъ строительницы, Галлы Пластидин. Онъ огромной величины (2¹/₂ метра длины, около двухъ метровъ высоты и болѣе метра ширины), высѣченъ изъ мрамора, но безъ всякихъ украшеній; думаютъ не былъ ли онъ прежде обложенъ серебромъ или какимъ-нибудь другимъ цѣннымъ веществомъ. Его высокая крышка, съ акротеріями на четырехъ углахъ, поднимается по срединѣ какъ кровля дома, со сватами во всѣ четыре стороны. Въ задней части гроба было маленькое отверстіе, сквозь которое можно было видѣть останки императрицы, погребенной въ полномъ императорскомъ облаченіи и сидящей на креслѣ изъ кедроваго дерева. Говорятъ, что въ 1577 году, при показываніи тѣла посѣтителямъ, внутрь вдвинули зажженную свѣчу. Одежда загорѣлась, и трупъ обратился въ пепель. Съ тѣхъ поръ отверстіе закрыто. Можно предполагать, что вначалѣ гробъ былъ отгороженъ рѣшеткой, какъ это дѣлалось часто на могилахъ почитаемыхъ святыхъ. На это указываетъ Агнеллъ. Онъ говоритъ, что императрица похоронена въ храмѣ св. Назарія ¹⁾ за рѣшеткой, которая прежде была мѣдною, теперь же каменная ²⁾.

Въ одномъ изъ боковыхъ концовъ крестообразной церкви стоитъ также мраморный гробъ нѣсколько меньшей величины. Въ немъ, по преданію, лежитъ тѣло императора Валентиніана. Въ противоположномъ концѣ въ такомъ же гробѣ, какъ говорятъ, погребенъ мужъ Галлы Пластидин, Констанцій. Есть еще два небольшіе гроба, вдѣланные въ стѣну близко отъ входа. Всѣ эти гробы покрыты изваянными

¹⁾ Такіе отдѣльные храмы-усыпальницы или церковныя притворы, въ которыхъ погребались епископы или знатные люди, онъ называетъ *Monasteria*.

²⁾ *Infra cancellos qui fuerunt aerei et qui nunc lapidei esse videntur (Agnelli, Liber Pontificalis, vita S. Johannis, cap. VI, p. 68)*. Можетъ быть, эта ирѣшетка, превратившаяся въ каменную, подтвердлась той же участи, какъ и самый гробъ Галлы Пластидин?

символическими фигурами. Чаще всего между изваяніями встрѣчается изображеніе Христа въ видѣ агнца, стоящаго на верху холма, съ котораго текутъ четыре райскія рѣки, смоковница, плодами которой питаются овцы, два голубя, сидящіе на краяхъ сосуда съ водою, крестъ и монограмма имени Спасителя. Въ одномъ изъ двухъ послѣднихъ гробовъ погребена, говорятъ, дочь Галлы Плацидіи, Гонорія, въ другомъ—неизвѣстно кто.

Послѣ гробницы Галлы Плацидіи одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ древности есть *капелла во дворцѣ архіепископа*, устроенная въ половинѣ V вѣка, какъ думаютъ, епископомъ Петромъ Хрисологомъ. Она небольшая, крестообразная, или лучше сказать, четырехъугольная, потому что концы креста такъ коротки, что могутъ скорѣе назваться нишами, на которыя опирается куполь. Ниша для алтаря нѣсколько глубже другихъ. Полъ и стѣны выложены мраморомъ; куполь и своды ниши покрыты мозаикой. Входя въ эту маленькую церковь, поражаешься яркостью и богатствомъ ея мозаикъ, хотя по совершенству рисунка онѣ стоятъ ниже образовъ гробницы Галлы Плацидіи. Въ куполь четыре ангела въ бѣломъ одѣяніи съ фіолетовыми мантиями и крыльями, расположенные крестообразно, поддерживаютъ на поднятыхъ къ верху рукахъ монограмму Христа, которая такимъ образомъ приходится въ самомъ центрѣ купола. Ниже, въ промежуткахъ между ними, символы четырехъ евангелистовъ. На среднѣй алтарной ниши образъ Богородицы въ ростъ, съ распростертыми руками ¹⁾. Этого рода изображеніе Богородицы вообще встрѣчается довольно рѣдко. Одно подобное находится въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, гдѣ носить названіе Нерушимой стѣны; другое, не живописное, а барельефное—въ Венеціанскомъ соборѣ св. Марка. Въ Равеннѣ такое же изображеніе находится на крестѣ св. Агнелла, описанномъ выше. Сводъ за алтаремъ покрытъ красивымъ мозаичнымъ орнаментомъ на золотомъ фонѣ. На аркахъ при входѣ въ ниши находится по семи круглыхъ поясныхъ образовъ: на восточной и западной Христосъ посреди шести апостоловъ; на сѣверной Его монограмма посреди шести мучениковъ, а на южной монограмма же посреди шести мученицъ. Замѣчательно, что Петръ и Павелъ изображены точно также, какъ въ баптистеріи: первый круглолицымъ съ

¹⁾ Ранъ думаетъ, что образъ Богородицы и двухъ святыхъ по сторонамъ его принадлежатъ болѣе позднему времени, чѣмъ все другіе (*Ein Versuch in Ravenna*, S. 181, 182).

короткою сѣдою бородой, второй съ длиннымъ лицомъ и темною острою бородой. Кромѣ этихъ образовъ есть еще одинъ въ алтарной нишѣ, не такъ хорошо сохранившійся: въ немъ повреждена нижняя часть; онъ изображаетъ Спасителя съ крестомъ и открытою книгой въ рукахъ.

Сѣверная и южная ниши украшены теперь живописными образами новаго времени. И сами по себѣ они не отличаются особенно хорошою работою, и кромѣ того, надо признаться, что, видя почти повсюду превосходную древнюю мозаику, какъ-то такъ настраиваешься, что живопись новаго времени кажется чѣмъ-то неважнымъ, и на нее обращаешь, можетъ быть, даже меньше вниманія, чѣмъ бы слѣдовало. Даже работы Гвидо Ревы въ соборѣ какъ будто удаляются на задній планъ, уступая мѣсто болѣе почтенной старинѣ.

Во время Θεодорика, бывшаго, какъ и всѣ почти Готы, послѣдователемъ ученія Арія, секта арианъ получила въ Равеннѣ преимущество надъ православною церковью. Новыя церковныя потребности вызвали построеніе новыхъ храмовъ, въ которыхъ высказалась и роскошь того времени, и заботы Θεодорика объ украшеніи подвластныхъ ему городовъ. По всей вѣроятности, нѣкоторые изъ православныхъ храмовъ были также отданы арианамъ. По указанію Агнелла, Θεодорикъ въ послѣдніе годы жизни „приказывалъ запирать храмы Божіи“. Есть основаніе думать, что даже и главная арианская церковь (ecclesia matrix) существовала за долго до готскаго пашествія. Она построена была на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, явленіемъ Святаго Духа въ видѣ голубя было указано избраніе св. Севера въ епископа ¹⁾. Впослѣдствіи, по изгнаніи арианъ, храмы ихъ были всѣ возвращены православнымъ. Теперь бывшая ecclesia matrix называется *Chiesa dello Spirito Santo*, церковь Святаго Духа, а также базилика св. Θεодора. Которое названіе древнѣе—трудно опредѣлить. Если она была построена послѣ избранія св. Севера, то вѣроятно, была посвящена Святому Духу; если же, какъ предполагаетъ Росси, она основана еще въ III в., то названіе церкви св. Θεодора могло быть ей дано сначала. Какъ главная церковь, она должна была заключать въ себѣ большія богатства,

¹⁾ Св. Северъ былъ епископомъ въ половинѣ IV в. и участвовалъ въ Сардинійскомъ соборѣ въ 347 г. (Agnelli, lib. Pont., vita S. Sever., p. 43; Ughelli, Italia Sacra, t. II, p. 329, 330; Hardouin Consiliorum collectio maxima, t. I, p. 653). Первые двѣнадцать епископовъ равенскихъ были, по преданію, всѣ избраны по указанію чудеснаго явленія Святаго Духа. Св. Северъ былъ послѣдній изъ нихъ.

но послѣдующія передѣлки лишили ее большей части изъ нихъ. Въ своей общей формѣ она, какъ кажется, не пострадала; это базилика, довольно широкая противъ своей длины, раздѣленная на три корабля. Изъ украшеній ея существуютъ теперь только четырнадцать колоннъ драгоцѣннаго мрамора, раздѣляющія ее на три части своими двумя продольными рядами, и мраморная отдѣлка алтаря. Колонны, судя по капителямъ, относятся къ разнымъ эпохамъ. Одна изъ нихъ отличается отъ другихъ рѣдкимъ мраморомъ: она зеленая съ бѣлыми жилками и красными пятнами, тогда какъ всѣ прочія сдѣланы изъ такъ называемаго *bigio antico* (зеленоватаго мрамора). Наружный портикъ ея также украшенъ восемью небольшими колоннами съ врѣзанными то вкось, то виптообразно рядами крестовъ.

Вблизи этой базилики, также какъ и подлѣ православнаго собора, стоитъ баптистерій, *Battisterio degli Arianî*. Епископъ Агнеллъ, обращая его въ православный храмъ, увеличилъ пристройкою съ западной стороны, и далъ названіе *Santa Maria in Cosmedin*, подъ которымъ онъ и нынче извѣстенъ ¹⁾. Этотъ баптистерій, очевидно, построенъ по тому же образцу, какъ и православный: въ немъ повторены даже и всѣ украшенія и образа, только съ нѣкоторыми измѣненіями, отчасти, можетъ быть, требовавшимися иными церковными правилами и понятіями. Посреди купола, также какъ и тамъ, мозаичный образъ Крещенія; только здѣсь Іоаннъ, одѣтый звѣриною шкурой, а не тканью, держитъ въ рукѣ не длинный крестъ, а посохъ съ загнутымъ верхнимъ концомъ. У него нѣтъ также и чаши; правую руку онъ положилъ на голову Спасителя, какъ бы для благословенія. Іорданъ, изображенный также въ видѣ старика, держащаго урну, изъ которой льется вода, не участвуетъ въ совершеніи Крещенія, какъ на образѣ въ православномъ баптистеріи: онъ поднялъ лѣвую руку въ знакъ почитанія. Весь этотъ образъ на золотомъ фонѣ. Св. Петръ и Павелъ, изображенные вмѣстѣ съ другими апостолами вокругъ этого срединнаго образа, отличаются тѣмъ, что держатъ въ рукахъ одинъ ключи, а другой свитокъ, тогда какъ остальные несутъ вѣпки. Они направляются къ престолу, на которомъ стоитъ крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Также, какъ и въ *San Giovanni in fonte*, лица апостоловъ представляютъ разнообразіе и характерность въ чертахъ. Этимъ образомъ заканчивается украшеніе купола: широкой по-

¹⁾ Слово *Cosmedin* или *Cosmedim* уже во время Агнелла подвергалось различнымъ объясненіямъ (*Agnelli, vita S. Agnelli, cap. II, p. 113*).

лосы съ мелкими изображеніями, которая окружаетъ образъ въ православномъ баптистеріи, здѣсь нѣтъ. Вообще весь храмъ меньшихъ размѣровъ и проще, чѣмъ S. Giovanni in fonte. При передѣлкѣ баптистерія въ обыкновенную церковь, и купель, находившаяся посреди него, была уничтожена, и теперь мѣсто ея указываетъ только большая круглая гранитная плита на каменномъ полу.

Великолѣпнѣйшимъ и величайшимъ изъ аріанскихъ храмовъ была базилика, называемая S. *Apollinare nuovo*. Во время Агнелла еще существовала надпись, указывавшая, что она была построена Осодорикомъ ¹⁾. Посвященная св. Мартину, за богатую отдѣлку свою она называлась S. Martinus in coelo augeo; говорятъ, что даже потолокъ ея былъ весь покрытъ золотомъ. Нынѣшнее названіе присвоено ей съ IX в., когда, боясь хищничества Сарацинъ, епископъ Іоаннъ перепесъ въ нее мощи св. Аполливарія, находившіяся въ менѣе защищенномъ Классисѣ, въ храмъ, построенномъ въ честь этого святаго. По смерти Осодорика, при передачѣ аріанскихъ храмовъ православнымъ, и эта церковь была исправлена и нѣсколько передѣлана. Алтарная часть ея и боковые корабли подвергались и послѣ поправкамъ и передѣлкамъ, средній же корабль сохранился извнѣ и внутри почти совершенно, и никакая другая базилика въ Равеннѣ не представляетъ въ такой цѣльности отдѣлку внутреннихъ стѣнъ. Снаружи на боковыхъ стѣнахъ средняго корабля обозначенъ рядъ большихъ, округлыхъ вверху, нѣсколько углубленныхъ оконъ, окруженныхъ арками. Нѣкоторые изъ нихъ теперь заложены, но формы ихъ видны совершенно отчетливо. Окна расположены довольно часто: разстояніе между ними меньше ширины самихъ оконъ. Огромный храмъ этотъ внутри занимаетъ 28 сажень въ длину и раздѣляется двадцатью-четырьмя колоннами изъ проконнискскаго мрамора на три продольныя части. Въ боковыхъ частяхъ этимъ колоннамъ соотвѣтствуютъ пилястры. На аркахъ, соединяющихъ колонны, видны остатки лѣпныхъ украшеній, по которымъ можно судить о ихъ тонкой работѣ. Полъ, стѣны и своды абсидовъ покрыты плитами изъ разноцвѣтнаго мрамора и порфира, а сводъ за главнымъ алтаремъ былъ прежде отдѣланъ мозаикой, но ее разрушило землетрясеніе 751 года. Вдоль храма въ боковыхъ частяхъ, по обыкновенію, устроены капеллы, изъ которыхъ, впрочемъ, очень многія совершенно подновлены.

¹⁾ «Theodoricus rex hanc ecclesiam a fundamentis in nomine Domini nostri Jesu Christi fecit» (*Agnelli, vita S. Agnelli, cap. II, p. 113*).

Объ стѣны средней части храма, возвышающіяся надъ колоннами, покрыты мозаичными образами, устроенными во время передѣлки при епископѣ Агнелгѣ. Они расположены тремя рядами. Образа нижняго ряда интересны между прочимъ тѣмъ, что на нихъ представлены города Равенна и Классисъ. Поверхъ неширокой фризы, лежащей на аркахъ, соединяющихъ колонны, идетъ на каждой сторонѣ рядъ снятыхъ въ бѣлыхъ одѣянїяхъ: съ правой стороны—мужей, съ лѣвой—дѣвъ. Всѣ направляются отъ запада къ востоку. Святые мужи (25 фигуръ) идутъ изъ Равенны, святые жены изъ Классиса. Имена обоихъ городовъ обозначены надписями. На переднемъ планѣ Равенны изображенъ обширный дворецъ съ надписью „palatium“; между колоннами, украшающими его портикъ, висятъ подобранныя богатые занавѣси. Въ дали, за дворцомъ виднѣются храмы, и между ними можно отличить круглую крышу св. Виталїа, которая и теперь еще точно такая же, какъ на этой картинѣ. Классисъ, какъ гавань, изображенъ на берегу моря, на которомъ видны корабли. Святые мужи держатъ въ рукахъ вѣнки и направляются къ престолу, на которомъ воссѣдаетъ Спаситель, окруженный четырьмя ангелами. Правая рука Христа поднята для благословенїа; въ лѣвой онъ держитъ какой-то предметъ, въ родѣ невысокаго подсвѣчника. Святые дѣвы направляются къ Богородицѣ съ Младенцемъ, также сидящей на престолѣ; онѣ несутъ въ рукахъ вѣнцы, украшенные драгоценными каменьями, впереди ихъ идутъ волхвы, пришедшіе на поклоненїе. Въ этихъ образахъ замѣтно разнообразїе исполненїа, которое показываетъ, что они подвергались поправкамъ въ разное время. Фигуры Спасителя и Богоматери и по византійскому одѣянїю, и по большому совершенству рисунка, еще не совсѣмъ удалившагося отъ древнихъ образцовъ, относятся къ болѣе раннему времени; фигуры святыхъ по рисунку ниже ихъ; на волхвахъ же даже обтянутая одежда среднихъ вѣковъ. Фигуры отдѣлены одна отъ другой пальмовыми деревьями. Выше, надъ этими изображениями, идетъ рядъ оконъ, окруженныхъ чрезвычайно красивыми орнаментами; въ простѣвкахъ между окнами поставлены отдѣльныя фигуры святыхъ. Еще выше, въ небольшихъ четырехугольникахъ съ каждой стороны по тринадцати образовъ представляющихъ новозавѣтныя происшествїа: съ одной стороны—притчи и чудеса, съ другой—страсти Христовы.

Кромѣ всѣхъ этихъ мозаикъ, обращаетъ на себя вниманїе мозаичный грудной портретъ императора Юстинїана, въ царствованїе котораго храмъ былъ возобновленъ. Прежде этотъ портретъ находился

на западной стѣнѣ, гдѣ ему соответствовалъ портретъ епископа Агнелла, не сохранившійся; теперь же онъ перенесенъ въ одну изъ капеллъ. Императоръ изображенъ въ темной одеждѣ, украшенной золотомъ, въ мантии, застегнутой на правомъ плечѣ, и въ коронѣ. По византійскому обычаю, сіяніе (nimbus) окружаетъ голову. Наверху большими буквами стоитъ надпись *Justinian*. Въ этой же капеллѣ замѣчательна сѣнь надъ престоломъ, поддерживаемая двумя древними порфиловыми колоннами; также древняя мраморная рѣшетка, отдѣляющая се отъ церкви.

Передъ храмомъ находится широкій дворъ, или лучше сказать, площадка, потому что она ничѣмъ не отдѣлена отъ улицы. Посреди площадки стоитъ небольшая, очень старая колонна, съ мѣднымъ поломаннымъ крестомъ на верху. Рядомъ возвышается круглая колокольня, которую относятъ къ болѣе позднему времени, чѣмъ самый храмъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ St. Apollinara снова стоятъ такъ называемыя *развалины дворца Теодорика*. Это собственно только одна высокая кирпичная стѣна съ немногими остатками украшеній. Она раздѣлена на два этажа, но это дѣленіе не обозначено ни карнизомъ, ни какою внѣшнею отдѣлкой: стѣны ровныя и гладкія. Середина нѣсколько выдается впередъ, какъ бы оставляя за собою двѣ боковыя части, но на углахъ стѣна снова выдается пилястрообразными выступами вровень съ нею и ограничиваетъ углубленныя боковыя части. Въ верхнемъ ярусѣ этихъ боковыхъ частей стоятъ по три небольшія колонны на общемъ основаніи, лежащемъ на вдѣланныхъ въ стѣну консоляхъ. Онѣ поддерживаютъ съ каждой стороны четыре арки, которыя почти подъ самою крышею зданія служатъ соединеніемъ между серединой и крайними выступами. Въ средней части сдѣлано сводчатое углубленіе въ родѣ вдавагося балкона съ двумя закругленными окнами внутри. Передъ нимъ, вѣроятно, была прежде рѣшетка, или можетъ быть, самый балконъ еще выдавался наружу: это заставляютъ предполагать двѣ большія дыры въ стѣнѣ, какъ будто для укрѣпленія консолей. Въ нижнемъ ярусѣ, подъ балкономъ, находится широкая входная арка, теперь заложенная досками. По сторонамъ ея, на вдавшихся стѣнахъ фасада, были тоже подобныя арки, что видно по первоначальной кладкѣ кирпичей; но онѣ заложены вровень со стѣпой и заштукатурены; только въ верхней ихъ части оставлены круглыя отверстія вмѣсто оконъ. Въ правой аркѣ вдѣланъ порфиловый сосудъ, формой своею напоминающій саркофагъ.

Прежде его принимали за гробъ, въ которомъ былъ похороненъ Теодорикъ, и который будто бы былъ перенесенъ изъ его гробницы, когда она была обращена въ православную церковь; но впоследствии доказано, что это даже и не гробъ, а скорѣе вмѣстилище для воды, можетъ быть, принадлежавшее къ банямъ.

Съ одной стороны за крайнимъ выступомъ начинается другая стѣна такой же вышины, образующая съ описаннымъ фасадомъ прямой уголъ, но отъ нея сохранился только небольшой кусокъ и то только въ верхнемъ ярусѣ; внизу же подстроена новая, выдающаяся противъ нея и образующая тоже уголъ, такъ какъ здѣсь въ большую улицу *Corso Garibaldi*, на которой стоятъ развалины дворца, входитъ другая улица. Въ верхнемъ ярусѣ этого меньшаго остатка сохранилось красивое двусводное окно, единственное во всей развалинѣ, кромѣ двухъ окошекъ во вдавшемся балконѣ. Сзади къ стѣнѣ примыкаетъ какая-то постройка, принадлежащая, кажется, монастырю, устроенному при *St. Apollinare nuovo*; и она воспользовалась окнами дворца, выходящими на улицу: въ одно изъ нихъ вѣлана грубая рама со стеклами, совсѣмъ не гармонирующая съ величавою развалиною, другое завѣшано какою-то худенькою занавѣсью.

Въ этой одинокой стѣнѣ нѣтъ никакого сходства съ изображеніемъ дворца на мозаичномъ видѣ Равенны въ храмѣ *St. Apollinare nuovo*, гдѣ представленъ портикъ изъ четырехъ коринтскихъ колоннъ съ фронтономъ на верху и съ рядами колоннъ, примыкающихъ къ нему съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, въ церкви, лежащей рядомъ съ нимъ, всего естественнѣе было быть изображенію именно этого дворца, а не какого-нибудь другаго. Притомъ же онъ былъ самымъ великолѣпнымъ изъ дворцовъ Равенны и даже гораздо позже возбуждалъ удивленіе видѣвшихъ его. Выше было упомянуто, что и Карлъ Великій прельстился его украшеніями и приказалъ ихъ снять и перевезти въ Ахенъ для убранства его новаго дворца. Кромѣ того, на фронтонѣ дворца, изображеннаго въ *S. Apollinare nuovo*, стоитъ надпись „*Palatium*“; а извѣстно, что въ позднѣйшихъ источникахъ дворецъ Теодорика часто называется просто *palatium*. Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, а также на коротенькомъ описаніи дворца Теодорика въ лѣтописи Агнелла и на томъ понятіи о жилищѣ римско-византійскихъ императоровъ, какое можно себѣ составить по другимъ описаніямъ и другимъ памятникамъ, Квастъ полагаетъ, что стѣна, извѣстная подъ названіемъ развалинъ дворца Теодорика, есть остатокъ того же зданія, которое изобра-

жено на мозаичной картинѣ въ S. Apollinare nuovo, но только другой части его. Собственно царское жилище, говоритъ Квастъ,—должно было находиться въ центрѣ многихъ другихъ построекъ, заключавшихъ въ себѣ помѣщенія для стражи, для разныхъ придворныхъ чиповниковъ и т. п. По его мнѣнію, изображеніе въ S. Apollinare nuovo есть именно видъ фасада этого центрального зданія, можетъ быть, той важнѣйшей части его, гдѣ императоръ производилъ приемы и держалъ судъ. Тогда умѣстны и богатыя занавѣси, повѣшанныя между колоннами на изображеніи, и которымъ совершенно нестати было бы быть на внѣшнемъ фасадѣ. Сохранившійся же остатокъ стѣны принадлежалъ одному изъ зданій, окружавшихъ самый дворецъ, составлялъ, можетъ быть, часть внѣшняго фасада, и вѣроятно, даже три большія арки его нижняго этажа служили главнымъ входомъ, черезъ который можно было проникать въ этотъ своего рода городокъ ¹⁾.

Рядъ памятниковъ аріанскаго зодчества въ Равеннѣ заканчивается величественнымъ *мавзолеемъ*, воздвигнутымъ *надъ могилою Теодорика*. По преданію, его поставила дочь Теодорика, Амалазунта; по существующимъ же источникамъ видно, что онъ былъ начатъ еще самимъ Теодорикомъ, который даже послалъ одного равеннскаго художника, Алоизія, въ Римъ, съ цѣлю изучить лучшіе надгробные памятники ²⁾. Онъ и дѣйствительно напоминаетъ своимъ общимъ видомъ многія римскія гробницы.

Мавзолей стоитъ внѣ города, на сѣверо-восточной его сторонѣ. Не вдалекѣ отъ воротъ, носящихъ названіе Porta Serrata, среди зелени кустовъ и деревьевъ, виднѣется маленькій домикъ. Здѣсь живетъ *custode*, сторожъ памятника, у котораго хранится ключъ отъ входа въ него. Узенькая дорожка ведетъ отъ домика между кустовъ. Черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ она спускается и подходитъ къ каменной стѣнѣ около сажени вышиною. Невзрачный тѣсный проходъ продѣланъ въ стѣнѣ противъ дорожки; стѣна такъ толста, что проходъ этотъ похожъ больше на корридоръ, чѣмъ на

¹⁾ v. *Quast*, Die altchristlichen Bauwerke von Ravenna, S. 21 и 22; *Agnelli*, Lib. Pontific., vita Petri Senioris, cap. II, p. 123. Рисунокъ дворца, изображеннаго на мозаичной картинѣ въ храмѣ S. Apollinare nuovo, есть у *Papa* въ Ein Besuch in Ravenna.

²⁾ *Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Johannis, cap. III, p. 67; *Spicilegium historiae Ravennatis Muratori*, t. I, p. 577.

калитку. За стѣной открывается широкое ровное пространство, поросшее зеленью; посреди него стоит La Rotonda: такъ называетъ народъ памятникъ Θεодорика. Входъ, теперь единственный, прежде продѣланъ былъ, вѣроятно, только для лицъ, смотрѣвшихъ за порядкомъ около мавзолея; это, такъ сказать, черный ходъ, незамѣтный и ведущій къ задней его стѣнѣ. Съ противоположной стороны въ каменной оградѣ продѣланы желѣзные ворота, и къ нимъ ведетъ широкая аллея изъ пирамидальныхъ тополей. Аллея эта совсѣмъ заросла травой: по ней никто не ходитъ, но отъ нея-то именно и открывается лучшій видъ на Ротонду. Тамъ ея простой и строгій образъ, хотя и искаженный нѣсколько разрушительнымъ вліяніемъ времени, не скрывается близостью разстоянія и видѣнь во всей своей цѣльности.

Ротонда—круглое, или вѣрнѣе, десятигранное двухэтажное зданіе, построенное изъ крупныхъ плитъ желтовато-сѣраго известняка, похожаго на мраморъ. Теперешній видъ ея далеко не тотъ, какой она имѣла первоначально. Вслѣдствіе наносовъ ближайшихъ потоковъ почва сильно поднялась вокругъ нея и скрыла большую часть нижняго этажа. Общій видъ зданія поэтому измѣнился, изъ стройнаго и высокаго оно сдѣлалось тяжелымъ и придавленнымъ. Наружнія украшенія, которыхъ, вѣроятно, было не мало, исчезли, частью уничтоженныя временемъ, а частью, можетъ быть, расхищенныя непочтительными руками. Послѣ изгнанія Аріанъ, гробница императора аріанина должна была потерять свою важность и чуть не была повергнута въ забвеніе. Тѣло Θεодорика было вынута изъ гроба, самый гробъ сначала былъ поставленъ у входа къ памятнику, а потомъ и совсѣмъ исчезъ; мавзолей же былъ обращенъ въ православный храмъ. Рибуффи въ своемъ путеводителѣ по Равеннѣ ¹⁾ разказываетъ, что къ нему была придѣлана церковь, впоследствии разрушившаяся, и что онъ служилъ для нея алтарною частью (сого). Но едва ли можно считать это предположеніе вѣрнымъ: мавзолей, довольно темный внутри, съ одною только входною дверью, не могъ удобно составлять столь важную часть храма, которая обыкновенно бываетъ открыта и нераздѣльна отъ всего остальнаго. Вѣрнѣе, что онъ былъ обращенъ въ отдѣльную церковь ²⁾. Къ тому же и по разказу Агнелла не видно, чтобы къ нему было что-нибудь пристроено. Посвя-

¹⁾ *Ribuffi, Guida di Ravenna*, p. 124. Ravenna 1869.

²⁾ *R. Kuhn, Ein Besuch in Ravenna*, p. 296.

щенный Пресвятой Дѣвѣ, онъ получилъ наименованіе *Santa Maria Rotonda* или *della Rotonda*, которое отъ употребленія сократилось въ нынѣшнее простонародное названіе *la Rotonda*. Теперь церковь уже давно упразднена.

Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія вокругъ Ротонды стали производить раскопки и открыли нѣкоторые остатки украшеній, которые дали возможность догадываться о ея прежнемъ видѣ. Этѣхъ остатковъ, впрочемъ, очень мало. Найдено нѣсколько капителей и базъ, нѣсколько обломковъ колоннъ и чрезвычайно красивый консоль съ роскошнымъ рисункомъ. Все это хранится теперь внутри Ротонды. Самый памятникъ поддерживается отъ дальнѣйшаго упадка, и хотя въ расщелинахъ камней во многихъ мѣстахъ уже выросла трава, однако необыкновенная крѣпость и прочность его постройки навѣрно переживетъ еще многіе вѣка на удивленіе потомству.

Нижній этажъ, около шести сажень въ діаметрѣ, построенъ въ стилѣ простомъ и суровомъ. Все его украшеніе состоитъ изъ довольно глубокихъ нишъ въ видѣ арокъ, по одной на каждой изъ десяти сторонъ. Камни сложены чрезвычайно плотно и правильно; плиты, обрисовывающія арки, даже запущены одна въ другую прямоугольными зубцами, и такимъ образомъ, взаимно поддерживаются ¹⁾. Входная дверь въ этотъ нижній этажъ, вслѣдствіе поднятія почвы, почти вся скрывается подъ землею, и чтобы войти въ нее, нужно спуститься въ глубокую яму. Внутренность образуетъ крестообразный склепъ, теперь почти постоянно залитый водою. Онъ освѣщается маленькими отверстіями, продѣланными на оконечностяхъ креста.

Второй этажъ построенъ въ стилѣ менѣе простомъ, на столько отличающемся отъ стила перваго, что есть основаніе относить постройку его къ болѣе позднему времени. Діаметръ еще меньше діаметра нижняго, такъ что вокругъ образуется обходъ около аршина ширины. Форма его также десятигранная; только на сторонѣ противоположной входу сдѣлана маленькая четырехугольная пристройка, какъ бы нѣчто въ родѣ абсида. Ко входу ведутъ двѣ наружныя лѣстницы, сначала расходящіяся въ двѣ стороны отъ нижней двери, а потомъ снова соединяющіяся у дверей втораго этажа. Онѣ были по-

¹⁾ Примеры подобной кладки арокъ довольно рѣдки. Квасть въ призываніи къ тексту *Seroux d'Agincourt* отмѣчаетъ только одинъ на древней аркѣ *Pusterla Ludovica* въ Миланѣ (*Seroux d'Agincourt, Denkmäler der Architectur, Sculptur und Malerei, текстъ къ т. XVIII*).

строены въ концѣ прошлаго вѣка, но по всей вѣроятности, на тѣхъ же мѣстахъ и точно также, какъ прежнія ¹⁾. На верху десятигранная форма переходитъ въ круглую и оканчивается плоскимъ куполомъ, составляющимъ одно изъ чудесъ древняго водчества. Этотъ куполь, 10 метровъ 37 сантиметровъ въ діаметрѣ и около 27.000 пудовъ по вѣсу, вырубленъ изъ одного цѣльнаго куска камня. О толщинѣ его можно судить по тому, что наружный его діаметръ равенъ 10,94 метра, а внутренний 9,15 ²⁾. Въ верхней своей части онъ тоньше: отверстіе, продѣланное въ самомъ центрѣ, глубиною только 97 сантиметровъ. По окраинѣ купола находится двѣнадцать выступовъ, вырубленныхъ изъ той же массы камня, формою нѣсколько напоминающихъ слуховыя окна или окна въ куполѣ св. Софіи Константинопольской. Отверстія, продѣланныя въ нихъ насквозь съ боку, показываютъ, что они служили для подъема купола, подобно такъ называемымъ ушамъ на нашихъ колоколахъ.

Наружная отдѣлка втораго этажа теперь состоитъ въ слѣдующемъ: на каждой изъ десяти сторонъ можно замѣтить два слегка выдающіяся прямоугольныя углубленія или ниши въ видѣ двери, окруженныя изваяннымъ карнизомъ. Между ними и по сторонамъ ихъ на углахъ десятиграннаго зданія стоятъ, также очень мало выдающіеся, пилястры, поддерживающіе аркообразныя украшенія надъ каждою нишею. Теперь этимъ и ограничивается отдѣлка втораго этажа; но не такъ было первоначально.

Въ числѣ обломковъ, открытыхъ при раскопкахъ, найдено нѣсколько кусковъ маленькихъ колоннъ, нѣсколько особеннаго рода капителей, соединенныхъ по двѣ вѣстѣ въ верхней части, нѣсколько базъ, одна консоль и еще, какъ говорятъ, остатки мраморной рѣшетки. Всѣ эти обломки дали возможность возстановить въ воображеніи первоначальную отдѣлку памятника. Неширокая терраса, образующаяся вокругъ втораго этажа, была галлереей: она ограничивалась съ внѣшней стороны рядомъ маленькихъ колоннъ, около метра высоты, стоявшихъ попарно, съ тѣми соединенными капителями, которыя были найдены. Основанія должны были быть очень высоки, въ родѣ подставокъ; вѣстѣ съ колоннами онѣ должны были рав-

¹⁾ *R. Rahn*, Ein Besuch in Ravenna, p. 293.

²⁾ *v. Quast*, *Seroux d'Agincourt* Denkmäler der Architectur etc., текстъ къ табл. XVIII.

³⁾ *Ribuffi*, Guida di Ravenna, p. 125, 127.

няться одной сажени. Разстоянія между этими подставками были заполнены мраморною рѣшеткой. Въ пилястры на стѣнахъ были вѣдѣланы консоли (углубленія въ пилястрахъ показываютъ мѣста консолей), и на нихъ, вѣроятно, была укрѣплена кровля галлерей, опиравшейся другою своею стороною на колоннаду. Кровля, очень можетъ быть, состояла изъ какого-нибудь дорогаго матеріала, напримеръ, изъ мѣди, и въ такомъ случаѣ она, вѣроятно, очень рано была похищена изъ Ротонды.

Внутри второй этажъ десятигранный, также какъ и снаружи. Онъ освѣщенъ рядомъ окошекъ, помѣщенныхъ подъ самымъ куполомъ. Небольшой престолъ стоитъ въ нишѣ противъ входа. Кругомъ лежатъ добытыя раскопками вещи. Полъ былъ когда-то настланъ мраморомъ, отъ котораго теперь только кое-гдѣ видны остатки.

По словамъ Рибуффи, раскопки, произведенныя около мавзолея, открыли, что все зданіе было поставлено на кирпичномъ фундаментѣ, возвышавшемся на нѣсколько ступеней. Еще прежде, чѣмъ это было узнано, нашли пилястръ высотой въ 2,27 метра, съ двухъ сторонъ покрытый прекрасными барельефами; на другихъ двухъ сторонахъ его было изваяно по небольшому кресту, и въ серединѣ креста сдѣлано квадратное углубленіе, какъ будто для того, чтобы вставить брусокъ. Изъ этого заключили, что вокругъ всего памятника была рѣшетка, или лучше сказать, стояли по десяти угламъ пилястры, соединенные желѣзными перекладинами. Такъ какъ на вершинѣ этого пилястра видѣнъ былъ остатокъ пьедестала, то сдѣланъ былъ выводъ, что на пилястрахъ стояли статуи, по всей вѣроятности, апостоловъ. Но такъ какъ угловъ было только десять, то можетъ быть, еще два пилястра со статуями апостоловъ стояли впереди у входа. Къ несчастію, по непонятной небрежности, найденный пилястръ былъ попорченъ и потому исчезъ, такъ что догадки остались не подтвержденными ¹⁾.

Лишившись такъ многого изъ своей внѣшней отдѣлки, Ротонда, конечно потеряла, часть своей красоты; но и теперь еще она смотритъ величественнымъ, именно царскимъ памятникомъ. Уединенность, тишина и растущіе кругомъ высокіе темные тополи придаютъ ей кромѣ того какую-то таинственность; и когда издали съ аллея не видишь растреснувшихся камней и травы, выросшей въ щеляхъ, то забываешь, какъ много вѣковъ и перемѣнъ пронеслось надъ древнею гробницею.

¹⁾ *Ribuffi*, Guida di Ravenna, p. 127, 128.

Изъ числа памятниковъ, относящихся къ послѣднему времени богатства Равенны, къ царствованію Юстиніана, замѣчательны: базилика S. Apollinare in Classe, храмъ св. Виталія и еще остатки церкви св. Михаила, San Michele in Africisco. Всѣ три были построены Юліаномъ Аргентаріемъ ¹⁾. Церковь св. Михаила упразднена и служить теперь складомъ плодовъ. Она состоитъ изъ абсида полуокруглаго и внутри, и извнѣ (единственный примѣръ въ Равеннѣ, гдѣ всѣ абсиды представляютъ многоугольники) и изъ остатка прилежащихъ къ нему стѣнъ, къ которымъ придѣланы новыя. Въ двухъ мѣстахъ въ стѣнахъ видны двѣ капители: одна изъ нихъ византійскаго вкуса, въ видѣ четырехугольной корзины, покрыта очень красивыми и тонкими рисунками. Внутри абсиды и стѣна надъ нимъ была покрыта мозаикою; но не такъ давно городское управленіе продало эту мозаику въ Берлинскій музей. Передъ отправкой, съ нея были сняты рисунки и фотографическіе снимки. Только по этимъ снимкамъ могла описать ее Ранъ и Гото ²⁾. Судя по ихъ описаніямъ, она состояла изъ двухъ образовъ: одинъ былъ въ сводѣ абсиды, другой—на стѣнѣ надъ входомъ въ абсиду. Въ сводѣ на золотистомъ фонѣ былъ изображенъ Спаситель въ юношескомъ возрастѣ; въ правой рукѣ онъ держалъ золотой крестъ съ драгоценными камнями, въ лѣвой открытое Евангеліе, гдѣ читались слова: „Qui vidit me vidit et Patrem. Ego et Pater unum sumus“. По сторонамъ стояли архангелы Михаилъ и Гавріилъ. Еще дальше, на боковыхъ стѣнахъ—св. Козма и Демьянъ;

¹⁾ Кто былъ этотъ Юліанъ — неизвѣстно ничего опредѣленнаго. Аргентаріи (argentarii, трапезиты) назывались въ Римской имперіи люди, занимавшіеся промѣномъ денегъ, дававшіе и бравшіе деньги на проценты, служившіе посредниками въ дѣлахъ купли и продажи, вѣчто въ родѣ нашихъ банкировъ и нотариусовъ. Занятіе это не было государственною службою, но число аргентаріевъ было опредѣленное, они составляли корпорацію и имѣли нѣкоторыя привилегіи. Многіе приобрѣтали значительныя богатства. Извѣстно, что Юстиніанъ очень покровительствовалъ этому сословію и умножилъ его привилегіи (*Pauly. Real. Encyclopedie der classisch. Alterthumswissenschaft*, Bd. II). Если принять слово аргентарій въ этомъ значеніи, то можно предположить, что Юліанъ былъ богатый банкиръ, отдававшій часть своего мѣтня на украшеніе родного города и на построеніе церквей. Но Муратори считаетъ названіе аргентарія равносильнымъ сакелларію, и по его мнѣнію, Юліанъ былъ просто казначей Равеннской церкви, принимавшій участіе въ постройкѣ храмовъ только какъ должностное лицо. (*Muratori, Berum Italic. Scriptores*, t. II, p. 97, 98).

²⁾ *Hotho, Geschichte der christlichen Malerei. Stuttgart, 1867. Erste Lief.*, p. 56; *Rahn, Ein Besuch in Ravenna*, p. 298.

отъ этого послѣдняго образа на стѣнѣ еще существуютъ остатки. Выше, надъ входомъ въ абсидь, былъ представленъ Спаситель на престолѣ съ благословляющею правою рукою и съ Евангеліемъ въ лѣвой. По сторонамъ его девять ангеловъ, пять съ одной и четыре съ другой; два ближайшіе съ золотыми посохами въ рукахъ, остальные трубили въ трубы. Всѣ ангелы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и стояли на облакахъ, которыя частью прикрывали ихъ ноги.

Гораздо важнѣе, чѣмъ *s. Michele in Africisco*, двѣ другія постройки Юліана Аргентарія, *St. Apollinare in Classe* и *San Vitale*, и та и другая—прекрасно сохранившіеся образцы двухъ совершенно разныхъ формъ христіанскаго храма.

San Vitale есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ христіанской древности. „Другой такой церкви нѣтъ во всей Італіи“, говоритъ Агнелль.—„Ни одна не сравнится съ нею ни по постройкѣ, ни по архитектурной отдѣлкѣ“¹⁾. Она принадлежитъ къ сравнительно небольшому числу круглыхъ или многоугольныхъ храмовъ, которыхъ древнѣйшій и простѣйшій образецъ представляетъ знаменитый римскій Пантеонъ. Она считается важнымъ памятникомъ для исторіи зодчества, важнымъ именно по высокой степени развитія купольной системы и по усовершенствованіямъ ея съ технической стороны. Наружный видъ *San Vitale* до того искаженъ разными пристройками, что безъ помощи воображенія и не представивъ себѣ, каковъ онъ былъ. Нѣсколько совершенно постороннихъ зданій примыкаютъ къ нему и скрываютъ его отъ взоровъ. Какъ куполь св. Софіи Константинопольской, такъ и верхъ св. Виталія поднимается посреди цѣлой кучи разныхъ крышъ. Форма храма—восьмиугольная. Онъ состоитъ собственно изъ двухъ частей: одна—средняя, образующая внутри куполь и покрытая плоскою восьмискатною крышею; другая поясообразно окружаетъ ее и покрыта отдѣльною кровлею. Въ ней два свѣта; средняя же еще на одинъ рядъ оконъ возвышается надъ нею. Съ восточной стороны выдается абсидь, представляющій половину шестиугольника, и по бокамъ двѣ круглыя капеллы съ четырехугольными абсидами. Въ маленькихъ пристройкахъ между абсидомъ и капеллами находятся лѣстницы на хоры. Абсидь высотой равняется только первому этажу храма. Со стороны противоположной къ нему была пристроена, какъ показываютъ остатки стѣнъ, длинная палерть. По

¹⁾ «In aedificiis et in mechanicis operibus» (*Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Ecclesii, cap. I, p. 95).

странной случайности или прихоти архитектора, она была не параллельна сторонѣ противоположной алтарю, а приставлена къ одному изъ угловъ и длиною своею равнялась двумъ сторонамъ восьмигранника. Главный входъ въ церковь такимъ образомъ не могъ быть поставленъ правильно. Гдѣ онъ былъ — даже и неизвѣстно навѣрное, такъ какъ впоследствии были продѣланы новыя двери, а старыя заложены. Если главный входъ былъ поставленъ правильно въ храмѣ, то онъ приходился ближе къ одному концу паперти; если, какъ думаетъ Гюбшъ, былъ еще другой входъ, восстанавливавшій симметричность на паперти, то онъ былъ неправиленъ въ отношеніи къ церкви. Теперь этихъ ходовъ нѣтъ, и къ этой самой сторонѣ церкви примыкаетъ какое-то большое зданіе, кажется казарма, почти слившаяся со стѣною паперти. Въ промежуткахъ, образовавшихся между храмомъ и папертью, стояли двѣ круглыя башни. Изъ нихъ одна уцѣлѣла до сихъ поръ, до половины своей прежней высоты; другая не существуетъ, и на мѣстѣ ея позже выстроена колокольня. Самыя края паперти, на сколько можно судить, были тоже округлые.

Пробравшись мимо построекъ, нагроможденныхъ вокругъ San Vitale, входящій въ него небольшою дверью, точно заднимъ ходомъ, съ сѣверо-восточной стороны, близко отъ алтаря. Послѣ длинныхъ прямоугольныхъ базиликъ и внѣшній видъ San Vitale представляется тѣмъ-то необыкновеннымъ, смѣлымъ. Но даже и эта внѣшность, въ которой все-таки господствуетъ прямая линія, не приготовляетъ къ тому, чтѣ мы видимъ внутри. Здѣсь такое разнообразіе и богатство арокъ, углубленій, всевозможныхъ сводовъ, что невольно останавливаешься въ изумленіи.

Осьмиугольная середина церкви ярко освѣщена сверху восемью большими окнами, по одному на каждой сторонѣ. Въ верху она переходитъ въ кругъ помощью маленькихъ 'арокъ, вдѣланныхъ въ стѣнѣ, и увѣнчана легкимъ и краснымъ куполомъ. Каждая изъ восьми сторонъ церкви состоитъ изъ высокой арки, которая соединяетъ середину храма съ окружающимъ его притворомъ, такъ что верхъ и куполъ покоятся на восьми большихъ устояхъ. Окружающій притворъ раздѣленъ на два яруса. Въ обоихъ ярусахъ большая арка вдается въ притворъ полукруглымъ углубленіемъ, ограниченнымъ двумя колоннами, образующими въ свою очередь три меньшія арки. Потолокъ притвора состоитъ изъ разнообразно скрещивающихся сводовъ, которые опираются на колонны и пилястры, поставленные у крайней стѣны. Все это вмѣстѣ составляетъ такое сочетаніе арокъ и

сводовъ, какого нигдѣ больше нельзя встрѣтить. Съ алтарной стороны въ аркѣ нѣтъ углубленій и подраздѣленій на меньшія арки; она свободна въ оба яруса и широко открываетъ доступъ къ алтарю. Алтарь занимаетъ одну изъ восьми частей окружающаго притвора, но не раздѣленный на ярусы, обильно освѣщенный огромнымъ окномъ надъ абсидомъ, онъ получаетъ особый торжественный характеръ.

Храмъ св. Виталія подвергся значительнымъ измѣненіямъ въ украшеніяхъ. Середина его и окружающій притворъ сохранили коегдѣ мраморную обкладку стѣнъ, но вообще испещрены новою отдѣлкой. Даже великолѣпный мраморный полъ принадлежитъ позднѣйшему времени. Поднятіе почвы заставило поднять и полъ въ храмѣ, и теперь сквозъ люкъ, оставленный около одной колонны, можно видѣть, что старій полъ лежитъ около 1½ аршина ниже нынѣшняго. За то вся алтарная часть вполне сохранила свое великолѣпное мозаичное украшеніе и не только возбуждаетъ восхищеніе въ археологѣ, но и простаго зрителя удивляетъ роскошью и яркостью красокъ.

Въ числѣ мозаичныхъ изображеній, украшающихъ абсидъ, особенное вниманіе привлекаютъ къ себѣ два, находящіяся одно противъ другаго на боковыхъ стѣнахъ абсиды. По содержанію своему они относятся къ исторіи храма и представляютъ, одно: императора Юстиніана, другое—императрицу Теодору, входящихъ въ храмъ. На лѣвомъ изображеніи видѣнъ императоръ въ торжественномъ одѣяніи, съ вѣнцомъ (nimbus) вокругъ головы. Онъ держитъ въ рукахъ какой-то большой, круглый, низкій сосудъ. Передъ нимъ идетъ, неся крестъ, епископъ Максиміанъ (освящавшій храмъ); впереди нихъ два духовныя лица, одно съ кадиланицей, другое съ книгой въ рукахъ. Между императоромъ и епископомъ видна голова одного изъ свиты, стоящаго сзади. За императоромъ слѣдуютъ двое придворныхъ, а за ними воины. Положеніе фигуръ довольно однообразно, какъ и можно ожидать отъ изображенія церемоніальнаго шествія; за то чрезвычайно разнообразны и характерны лица; особенно выдѣляется лицо епископа Максиміана, по всей вѣроятности, портретъ. Это худое морщинистое лицо съ высокимъ лысымъ лбомъ, отъ котораго оно кажется длиннымъ, и рѣдкими волосами на вискахъ, съ выраженіемъ спокойнымъ и равнодушнымъ. Въ фигурѣ его больше чѣмъ во всѣхъ остальныхъ видно движеніе. Императоръ изображенъ въ зрѣломъ возрастѣ, съ кругловатымъ, строгимъ и важнымъ лицомъ, безъ бороды, съ небольшими усами. Ближайшій изъ придворныхъ, тотъ,

который видѣнъ между епископомъ и императоромъ, человекъ пожилой; второй, довольно молодой, съ небольшою бородкой и усами; третій совсѣмъ юноша. У духовныхъ худыя, озабоченныя лица. У всѣхъ волосы падаютъ низко на лобъ; у духовныхъ замѣтна тонзура. Фигуры своимъ ростомъ занимаютъ почти всю высоту картины, такъ что фона видно очень мало. На противоположной картинѣ фигуры меньше и на фонѣ за ними можно видѣть что-то въ родѣ ниши и украшенія на стѣнѣ. Въ лѣвомъ углу картины дверь, занавѣсъ которой приподнимается и держитъ придворный. Передъ дверью на низенькой коринтской колоннѣ стоитъ ваза съ фонтанчикомъ, такъ называемый *sanctus*. Очевидно, мѣсто представляетъ наперть храма, въ который идетъ Θεодора, неся въ рукахъ золотую вазу, украшенную драгоценными камнями. Передъ нею идетъ придворный, за нею нѣсколько дамъ. Императрица изображена въ богатомъ одѣянии, въ пурпурной мантии, шитой золотомъ и жемчугомъ. На широкой каймѣ ея мантии вышита картинка, изображающая поклоненіе волхвовъ. Роскошныя и разнообразныя женскія одежды даютъ всей картинѣ ярко-пестрый колоритъ, котораго нѣтъ въ первой; но можетъ быть, эти самыя тяжелыя одежды, скрывая положеніе тѣла, дѣлаютъ фигуры болѣе неподвижными и однообразными. Онѣ всѣ обращены передомъ къ зрителю, и только руки Θεодоры, держащія проносимый ею даръ и протянутыя по направленію къ двери, показываютъ ея движеніе. Черты лица сдѣланы тонко, цвѣта употреблены нѣжныя, но вообще въ нихъ нѣтъ той характерности, какая замѣтна на первой картинѣ. Въ первой, кажется, болѣе обращено вниманія на изображаемыя лица, а во второй на обстановку и отдѣлку.

Образъ на полукуполѣ абсида имѣетъ также отношеніе къ основанію храма. На немъ изображенъ Господь, воссѣдающій на земномъ шарѣ, по сторонамъ его два ангела и два святые мужа: съ одной стороны св. Виталій, съ другой св. Екклезіій, основатель храма. Ангелы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ длиннымъ тонкимъ жезломъ въ одной рукѣ, какъ будто подводятъ святыхъ къ Господу: каждый положилъ руку на плечо подводимаго имъ святаго; лицо одного изъ нихъ слегка обращено къ св. Виталію, а фигура показываетъ движеніе къ Спасителю. Другой глазами обращенъ къ Спасителю, но за то и другая рука указываетъ на Екклезііа. Господь изображенъ въ юношескомъ возрастѣ, съ выраженіемъ спокойнаго величія на лицѣ. Онъ въ темной фіолетовой одеждѣ. Лѣвою рукой онъ держитъ книгу, которую опираетъ на лѣвое колено, правую подаетъ св. Виталію внѣнецъ. Отъ

этого движенія правая сторона всей фигуры и лицо получаютъ едва замѣтное обращеніе въ правую сторону. Св. Виталій, въ богатой византійской одеждѣ, принимаетъ вѣнецъ обѣими руками на свой цѣбтной плащъ. Епископъ Екклезій, въ темной мантии сверхъ длинной одежды съ широкою вышитою каймой внизу, подноситъ Господу изображеніе построенной имъ церкви. По его добродушному лицу замѣтно, что это долженъ быть портретъ. Фонъ изображаетъ вверху небо, усѣянное облачками, внизу поле, по которому разбросаны цвѣты.

Собственно алтарная часть храма, то-есть, самый алтарь въ нашемъ смыслѣ, какъ уже сказано выше, составляетъ часть окружающаго двухэтажнаго притвора и равняется высотой обоимъ этажамъ. И нижняя часть притвора, и хоры выходятъ на него тремя арками, поддержанными двумя колоннами. Хоры оканчиваются балюстрадой въ видѣ балкона, и тамъ находится помѣщеніе для пѣвчихъ; нижній притворъ отдѣленъ желѣзною рѣшеткой. Надъ тремя арками нижняго яруса обозначена на стѣнѣ одна общая большая арка, обнимающая ихъ. Мозаика, покрывающая стѣны и крестообразный сводъ алтаря, по выполненію своему уступаетъ мозаикѣ абсида: рисунокъ менѣе тонокъ, оттѣнки красокъ грубѣе, фигуры менѣе осмыслены. По содержанію они большею частью относятся къ ветхому завѣту и расположены симметрично на обѣихъ сторонахъ. Главные образа находятся надъ нижними колоннами внутри обозначенной на стѣнахъ большой арки. Съ лѣвой стороны здѣсь изображены въ одной картинѣ два случая изъ исторіи Авраама; посѣщеніе его Господомъ съ двумя ангелами и жертвоприношеніе Исаака. Въ параллельной ей правой картинѣ представлено точно также въ одной картинѣ жертвоприношеніе Авеля, который, стоя у жертвенника, держитъ агнца на рукахъ, и жертвоприношеніе Мельхиседека, стоящаго съ другой стороны у того же самаго жертвенника. Эта картина больше другихъ приближается къ мозаикамъ абсида по изяществу рисунка и по краскамъ. Остальныя части стѣнъ заняты изображеніями евангелистовъ, пророковъ Моисея, Іереміи и Іліи (Моисей повторяется три раза), ангеловъ, держащихъ крестъ. Въ углахъ, подъ окнами алтаря надъ абсидомъ изображены Іерусалимъ и Вавелемъ. Сводъ и всѣ остальныя части стѣнъ покрыты разными разводами и изображеніями аллегорическхъ животныхъ. На внутреннемъ вырѣзѣ арки, соединяющей алтарь съ церковью, расположены пятнадцать круглыхъ

образовъ. Въ серединѣ Христосъ, по сторонамъ двѣнадцать апостоловъ и св. Гервасій и Протасій, сыновья св. Виталія.

Очень красивы капители на колоннахъ этого храма. Онѣ четырехъ родовъ. На хорахъ — коринскія, наименѣ замѣчательныя по оригинальности, по граціозной формы. Въ нижнемъ этажѣ арки, соединяющія середину храма съ притворомъ, лежатъ на колоннахъ византийскаго стиля. Капители ихъ довольно низкія и подпираются вверхъ прямыми наклонными линиями. Отдѣлка ихъ состоитъ изъ рѣзьбы, представляющей плетенье. Подобнаго же рода капители въ алтарѣ, только тамъ ихъ стороны нѣсколько выгнуты, и рѣзьба тоньше и замысловатѣе. Въ верхнемъ балконѣ для пѣвчихъ капители еще оригинальнѣе. Онѣ также покрыты тонкою рѣзьбой, и кромѣ того, изогнуты такъ, что образуютъ продольныя складки. Надъ всѣми ними, какъ и вездѣ въ Равеннѣ, вторыя капители, такъ называемыя импосты, на которыхъ собственно и лежатъ арки.

St. Apollinare in Classe, построенный въ тридцатыхъ годахъ VI столѣтія при епископѣ Урсиниѣ, и во время блеска Равенны былъ однимъ изъ ея лучшихъ храмовъ ¹⁾. Единственный остатокъ древняго пригорода, онъ стоитъ посреди болотистой равнины; вблизи него есть только одно или два небольшія строенія, вѣроятно, жилища сторожей или принадлежащихъ къ церкви. Ни одного дерева нѣтъ вокругъ: все голая равнина; только вдали виднѣется знаменитый лѣсъ *la Pineta*. Огромная базилика темно-красноватаго цвѣта стараго кирпича занимаетъ почти тридцать сажень въ длину. Съ восточной стороны храма выступаетъ большой абсидъ, въ формѣ половины десятиугольника и по бокамъ его, пристроенныя къ боковымъ притворамъ, два четырехугольные абсида, въ свою очередь оканчивающіеся маленькими полукруглыми, высотой своею доходящими только до оконъ большаго средняго. Узкая паперть длиною своею много выступаетъ противъ ширины храма, такъ что выступающіе концы, покрытые отдѣльною крышей, образуютъ какъ бы особыя пристройки. На боковыхъ стѣнахъ храма вполне сохранилось древнее украшеніе: выступающіе ряды кирпичей и разнообразная кладка ихъ обрисовываютъ въ обоихъ этажахъ высокія арки, по числу соответствующія числу внутреннихъ арокъ, соединяющихъ боковые корабли со среднимъ. Въ каждой изъ этихъ арокъ въ прежнія времена было большое закругленное окно. Такимъ образомъ, освѣщенная

¹⁾ *Agnelli, Vita St. Ursicini, cap. I.*

больше чѣмъ пятьдесятъю окнами, церковь должна была быть полна свѣта. И теперь еще она гораздо свѣтлѣе большинства вновь строящихся храмовъ, хотя только нѣкоторыя окна остались открыты, остальные же заложены—или для того, чтобы придать большую крѣпость стѣнамъ, или чтобы угодить вкусу новаго времени, любящему въ храмахъ таинственный полумракъ. Въ абсидѣ же всѣ четыре большія окна остались не заложеными.

Самая некрасивая часть храма — это паперть, и какъ кажется, именно потому, что ей пришлось быть очень передѣланною. Теперь фасадъ ея представляетъ длинную глухую стѣну съ одною входною аркой по срединѣ и съ рядомъ маленькихъ окошекъ подъ самою крышею. Изъ-за этой крыши почти только на половину видно большое красивое окно на передней стѣнѣ средняго корабля храма. Въ началѣ же, какъ полагаютъ ¹⁾, она была открыта напередѣ и вмѣсто глухой стѣны шелъ рядъ колоннъ, соединенныхъ арками. Высота ея была меньше нынѣшней на весь рядъ упомянутыхъ маленькихъ окошекъ, и тогда большое окно фасада было видно вполне. Тѣ же части паперти, которая выступаютъ противъ ширины храма, были съ глухими стѣнами, украшенными, также какъ и стѣны храма, аркообразными углубленіями. Эти части нартекса должны были быть той же высоты, какъ и теперь.

Входныхъ дверей въ храмъ было девять: три черезъ паперть и по три съ боковыхъ сторонъ. Теперь остается только одна средняя дверь черезъ паперть; всѣ остальные заложены, но еще можно видѣть мѣста, гдѣ онѣ находились.

Внутренность базилики св. Аполлинарія—около 28 сажень въ длину и 15 сажень въ ширину. Боковыя притворы отдѣлены двѣнадцатю колоннами съ каждой стороны, поставленными на четырехугольныхъ низенькихъ основаніяхъ. Чрезвычайно красивы и оригинальны ихъ бѣлыя капители съ крупными акантовыми листьями. Кромѣ еще одной развалины въ Равеннѣ, подобныя капители встрѣчаются только посреди наружныхъ украшеній собора св. Марка въ Венеціи. Посреди храма стоитъ небольшой какъ-бы престолъ. Подъ нимъ находится гробъ св. Аполлинарія, прежде стоявшій въ паперти и перенесенный отсюда епископомъ Мавромъ Схизматикомъ. Къ алтарю ведетъ лѣстница въ одиннадцать ступеней, шириною во всю среднюю часть храма. Престолъ стоитъ на разстояніи отъ стѣны, и четыре колонны дра-

¹⁾ *Habsch*, Die altchristlichen Kirchen. Karlsruhe, 1862, S. 60.

гоцѣннаго мрамора поддерживаютъ надъ нимъ стѣнъ. Абсидѣ представляеть внутри полукургъ съ четырьмя большими окнами, подъ которыми устроено мраморное сидѣнье. Весь куполъ абсиды, стѣна надъ аркой, ведущею къ нему, и простѣнки между окнами покрыты прекрасно сохранившеюся мозаикой, которая принадлежитъ къ нѣсколько болѣе позднему времени, чѣмъ мозаика въ San Vitale.

Въ вершинѣ полукупола представлено Преображеніе Господне въ слѣдующемъ аллегорическомъ видѣ: вверху рука Господня выходитъ изъ облаковъ и указываетъ на огромный крестъ, изображенный въ голубомъ кругѣ, усаженномъ звѣздами. По сторонамъ круга изъ облаковъ выходятъ поясные фигуры Иліи и Моисея. Ниже три агнца—съ одной стороны два, съ другой одинъ—изображаютъ апостоловъ, видѣвшихъ Преображеніе. Въ нижней части купола по срединѣ изображена фигура св. Аполлинарія въ епископской одеждѣ, съ руками, поднятыми на молитву. По сторонамъ, на фонѣ камней и цвѣтовъ стоятъ по шести агнцевъ, изображающихъ или паству св. Аполлинарія, или двѣнадцать апостоловъ. Стѣна надъ аркой раздѣлена двумя горизонтальными чертами на три полосы. Въ верхней полосѣ посрединѣ — грудной образъ Христа въ кругѣ. Правую руку онъ благословляетъ, въ лѣвой держитъ Евангеліе. По сторонамъ четыре евангелиста. Во второмъ ярусѣ по сторонамъ арки изображены Іерусалимъ и Вноелемъ, и по шести агнцевъ, поставленныхъ по наклонной линіи изъ угловъ къ срединѣ. Третій ярусъ состоитъ изъ двухъ треугольниковъ, образовавшихся по бокамъ арки. Въ нихъ изображены пальмы. Ниже, на устояхъ, поддерживающихъ арку, фигуры архангеловъ Гавріила и Михаила со знаменемъ въ рукѣ. Еще ниже, наравнѣ съ основаніемъ оконъ, грудныя изображенія евангелистовъ Маттея и Луки. Въ простѣнкахъ между окнами изображенія четырехъ епископовъ, равенскихъ святыхъ: Екклезія, Севера, Урса и Урсина. Всѣ четверо представлены съ благословляющею правую руку и съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ.

На стѣнахъ, по бокамъ входа въ алтарь находится еще двѣ мозаичныя картины. Направо въ одной картинѣ представлены три ветхозавѣтныя жертвоприношенія: Авеля, Авраама и Мельхиседека. На лѣвой сторонѣ большая картина изображаетъ епископа Репарата и императоровъ Константина, Гераклія и Тиберія. Репаратъ былъ преемникъ епископа Мавра Схизматика и по завѣщанію своего предшественника былъ избранъ тремя своими товарищами, также какъ избирался папа, и получилъ утвержденіе въ своемъ санѣ не отъ

папы, а отъ императора. За этимъ онъ ѣздилъ въ Константинополь и получилъ тамъ также подтвержденіе привилегій Равеннской церкви. Это послѣднее и должно представлять картина въ храмѣ св. Аполлинарія. По срединѣ ея изображены императоръ Константинъ и епископъ Репарать, что поясняютъ надписи надъ ними. Репарать держитъ въ рукахъ свитокъ съ надписью Privilegia. Рука императора указываетъ на этотъ свитокъ. Рядомъ съ епископомъ стоятъ четыре духовныя лица, рядомъ съ императоромъ три фигуры, двѣ изъ которыхъ должны представлять двухъ другихъ императоровъ. Къ сожалѣнію, мозаика, вѣроятно попорченная отъ времени, въ разныхъ мѣстахъ покрыта позднѣйшею живописью, не позволяющею видѣть многого. Вслѣдствіе того, нѣкоторые даже объясняютъ иначе содержаніе картины.

Съ лѣвой стороны базилики, ближе къ восточному краю ея, стоитъ круглая, гладкая башня, соединенная съ нею маленькою пристройкой. На ней слегка обозначены три яруса; въ нижнемъ только кое-гдѣ продѣланы длинныя и узкія отверстія, окруженныя аркообразнымъ рядомъ кирпичей; во второмъ три ряда оконъ: въ двухъ нижнихъ большія и рѣдкія закругленныя окна, правильно расположенныя одно надъ другимъ; въ третьемъ ряду каждому большому соотвѣтствуютъ два парныхъ узкихъ окна. Въ верхнемъ ярусѣ точно также три ряда оконъ; изъ нихъ нѣкоторыя парныя, другія тройныя, соединенныя въ одно съ помощью колоннъ. Изъ всѣхъ ихъ многія совсѣмъ заложены и обозначаются только своимъ древнимъ контуромъ, другія заложены не до верху, и только немногія остались открыты. Черепичная крыша башни широко выступаетъ вокругъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ памятниковъ, въ Равеннѣ есть и еще не мало развалинъ и остатковъ зданій, принадлежавшихъ не только тому времени, когда она была столицей, но и другимъ эпохамъ. Таковы развалины, стоящія около главной площади и извѣстныя подъ именемъ базилики Геркулеса, можетъ быть, относящіяся къ до-христіанскому періоду. Такова покосившаяся башня Torre del Publico, соперница Болонскихъ башенъ Гаризенды и Азипелли. Но эти памятники или одинокіе остатки, не связанныя ни съ какими воспоминаваніями, или на столько пострадали отъ времени, что могутъ привлекать вниманіе только знатока.

Въ заключеніе припомню еще объ одномъ памятникѣ, замѣчательномъ не древностью и не красотой, а именемъ, о которомъ онъ упоминаетъ. Это *тробница Данта*. Она построена недавно, только въ

прошломъ вѣкѣ. Гвидо Полентани, другъ Данте, пріютившій его въ своемъ семействѣ, когда онъ изгнанникомъ пріѣхалъ въ Равенну, не успѣлъ достойно отмѣтить его могилу. Послѣ него память Данте долгое время оставалась въ пренебреженіи. Въ 1482 г. Вернардо Вембо, правитель Равенны, отъ имени Венеціанской республики, заказалъ мавзолей извѣстному скульптору и архитектору Ломбарди. Впослѣдствіи, уже въ XVIII вѣкѣ, онъ былъ перестроенъ архитекторомъ Камилломъ Мориджіа. Это небольшая квадратная часовня, покрытая полушарнымъ куполомъ простаго и строгаго рисунка. Внутри на стѣнѣ, противоположной входу, высѣчено барельефное изображеніе поэта, а передъ нимъ стоитъ урна. И урна, и стѣны вокругъ покрыты вѣнками и латинскими надписями, относящимися къ разнымъ временамъ передѣлокъ памятника. Самая старая изъ этихъ надписей, на урнѣ, была высѣчена скоро послѣ смерти поэта ¹⁾.

Замѣчательно, что останки Данта только въ самое недавнее время получили послѣднее успокоеніе на мѣстѣ, имъ предназначенномъ. Вотъ что объ этомъ разказывается:

Въ 1865 году во время приготовленій къ торжественному празднованію шестисотлѣтняго юбилея Данта, задумали исправить памятникъ и привести въ порядокъ мѣсто вокругъ него. Вблизи около капеллы *Braccio forte* находились остатки и обломки стѣнъ, не имѣвшіе никакого значенія. Рѣшено было ихъ скрыть. Когда разломали старыя стѣны и принялись за фундаментъ, то наткнулись на простой деревянный ящикъ. Его вынули, но онъ тутъ же рассыпался, и изъ него выпали кости. На стѣнахъ ящика оказались надписи и на внутренней и на вѣншей сторонѣ. На внутренней прочли: „*Dantis ossa denuper revisa die 3 Junii 1677*“; на вѣншей: „*Dantis ossa a me fra Antonio Santi hic posita anno 1677 die 10 Octobris*“. Это неожиданное открытіе возбудило множество толковъ и догадокъ о томъ, какимъ образомъ Дантовы кости оказались не въ могилѣ. Самая вѣроятная догадка—та, что онѣ были перемѣщены съ цѣлью скрыть отъ тѣхъ, которые старались ихъ похитить, и монахъ Санти, одинъ изъ францисканцевъ-смотрителей памятника, получившій порученіе исполнить это дѣло, сдѣлалъ замѣтки на ящикѣ, чтобы впослѣдствіи ихъ

¹⁾ Она записана въ *Chronica Civitatis Ravennae* (ed. *Muratori*, t. I, pars II, p. 579), подъ 1321 г. при упоминаніи о смерти Данте Алигьери, которымъ, по словамъ хроникъ «послѣ смерти прославился многими своими сочиненіями, именно объ Адѣ, Чистилищѣ и Раѣ и о Монархіи».

можно было узнать. Съ величайшимъ благоговѣніемъ собраны были драгоцѣнные останки, поставлены въ церкви на все время юбилейныхъ празднествъ, и затѣмъ торжественно погребены въ склепъ подъ памятникомъ.

Мавзолей Данта стоитъ въ концѣ улицы, носящей его имя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее входитъ подъ примымаго угломъ другая улица. Наискось отъ него, на противоположномъ углу, надпись на домѣ указываетъ, что этотъ домъ принадлежалъ Гвидо да-Полента, и что въ немъ жилъ и умеръ Данте. Эта надпись, кажется, единственное напоминаніе о значеніи дома. Онъ принадлежитъ частному лицу, и очень можетъ быть, что при превратностяхъ судьбы, которымъ подвергалась память великаго поэта въ теченіе шести вѣковъ, въ немъ ничто не осталось, какъ было при Гвидо да-Полента.

О. С.